

Перуменит

Литературно-переводческий альманах «Перипетия»

ОЦ «Сириус»: 2026 – 79 стр.

Концепция нашего альманаха выстроена вокруг духовного пути человека. Тема глубокая и неспроста. Мы хотели отразить эту «глубину» и на уровне цвета и ориентировались на образы моря и неба. Кажется, что в этих двух пространствах рождаются самые контрастные и динамичные картины. К тому же, как известно, синий цвет успокаивает и благоприятно действует на человеческое восприятие. Поэтому синий цвет и его оттенки выбраны нами не случайно: это понятная метафора жизненных "перипетий" и психоделический инструмент.

<https://vk.ru/club242411198>

https://t.me/sirius_perevod

Над созданием работали:

Руководитель издательства: Святослав Игоревич Городецкий

Главный редактор: Алиса Шарапова

Редакторы: Дарья Борисова, Карина Идиатуллова, Алина Яковлева, Алла Измайлова

Корректоры: Мария Попова, Диана Аكوпова, Мария Головачева

Иллюстраторы: Ариадна Есипова, Алина Подоляк

Верстальщица: Мария Мартынова

PR и реклама: Елизавета Бражникова, Полина Долженкова, Милана Медведева, Светлана Черченко

Содержание:

В начале было Слово... (Ин, 1, 1) 1

«И создал Господь Бог из праха земного» (Быт, 2, 1)

«Ребус» Джейн Хиршфилд (пер. Алина Подоляк) 3

«Комочек глины» Генри ван Дайк (пер. Анастасия Арцибашева) 4

**«Если кто хочет идти за Мною, отвернись себя и возьми крест свой»
(Мф, 16, 24)**

Отрывок из рассказа «Стена Тьмы» Артур Кларк (пер. Алина Яковлева) 8

«Первый школьный день» Джейсон Рейнольдс (пер. Диана Акопова) 10

«Хорошая дочь» Кэролайн Хван (пер. Алла Измайлова) 14

«Дитя изобретения» Хулия Альварес (пер. Елизавета Жерельева) 17

Рецензия на перевод И. Б. Комаровой песни «Far over the misty mountains
cold» из книги «Хоббит» Дж. Р. Р. Толкина (Елизавета Бражникова) 22

Рецензия на переводы К. И. Чуковского и М. А. Зенкевича стихотворения «O
Captain! My Captain!» Уолта Уитмена (Полина Долженкова) 25

«И приступил к Нему искушитель» (Мф, 4, 3)

Отрывок из рассказа «Звезда Запада» Агата Кристи (пер. Мария Мартынова)
..... 29

«Все, о чем я говорю с друзьями...» Квирин Брауэр (пер. Алиса Поленович)
..... 33

«Человек с шелковым зонтом» Роальд Даль (пер. Мария Левочкина) 37

«Рождение знаменитости» Андре Моруа (пер. Дарья Борисова) 44

«Общество» Вирджиния Вульф (пер. Мария Головачева) 48

Рецензия «Рождать детей или произведения искусства» (Светлана Черченко)
..... 53

Рецензия «Сердце-обличитель» и «Сердце-изобличитель»: как по-разному бьется сердце одного рассказа в разных переводах (Мария Жолобова)	56
Рецензия «Вересковый мед» глазами современного читателя (Максим Вотинцев)	59
«Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих» (Мф, 4, 4)	
«Обещание» Джейн Хиршфилд	63
«Переписка с богомольцем» Николетт Полек (пер. Мария Попова)	64
«Жизнь без Кэти» О. Генри (пер. Злата Шипунова)	70
Рецензия «Трудности перевода: что осталось за кадром в русской версии. (Алиса Подоляк)	74
Финальное слово «Аминь»	79

Ե ՆԱԿԱՆԵ ԷԼԻՈ ՏՈՐԵՍ...

(ՄՆ, I, I)

Дорогой внимающий!

Я, раб Божий, соделал для тебя рукопись. В ней осколками положены смыслы, данные Богом, чтобы научить рабов Своих. Он дал смыслы, послав ангела мне, рабу Своему, который засвидетельствовал их в сей рукописи.

Все братья и сестры за земную жизнь проходят духовный путь, у одного он более тернист, у другого нет. На пути сем раб Божий спотыкается о многость перипетий. В сей рукописи я постарался самым истинным образом показать трудность его от «рождения» духа до «преображения», ибо не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих.

Блажен читающий и слышащие слова сей рукописи!

«И создаа Господь Бог из
праха земного» (Быт, 2, 1)

Джейн Хиршфилд «Ребус»

Перевела Алина Подоляк

Ты работаешь с тем, что тебе дано:
с красной глиной — скорбеть,
с черной глиной упрямства — жить дальше.
С глиной со вкусом заботы или небрежности,
с глиной с запахом пыли или речного дна.

Каждая мысль — прожитая или упущенная жизнь,
каждое слово — съеденное или оставленное блюдо.
Бывает мёд такой горький,
что никто не попробует его добровольно.
Но глина впитает всё: мёд усталости, мёд тщеславия,
мёд жестокости и испуга.

Этот ребус — шликер¹ и упрямство,
речное дно, моя прожитая жизнь:
когда я научусь читать его
ясно, медленно, без надежды и неохотно?
Не для того, чтобы понять, — только чтобы видеть.

Как воду сахар сластит, а солит соль,
так мы становимся собственным выбором.
И каждое «да», и каждое «нет» продлится:
одно — как лестница, иное — как наковальня, чаша.

Лестница прислоняется к своей темноте.
Наковальня клонится в своё молчание.
Чаша остается пустой.

Как мне расслышать вопрос, заданный глиной?

¹ Шли́кер — это жидкая или сметанообразная масса из глины и воды, которая используется в керамическом производстве.

Генри ван Дайк «Комочек глины»

Перевела Анастасия Арцибашева

На берегу реки покоился самый обыкновенный комочек глины — плотненький, тяжёлый и бесформенный; однако амбиции и мечты у него были самые чудесные и самые удивительные. Комочек верил: придёт время, и он покажет этому миру, кто он такой на самом деле. Придёт время, и он найдёт то место в жизни, которое ему суждено занять.

А над комочком, купаясь в лучах весеннего солнца, кроны деревьев перешептывались о невообразимой красоте, открывающейся их взору во время распускания почек. Лес сиял. Сиял самыми чистыми и светлыми цветами, будто припорошенный пылью тысячи драгоценных камней.

Цветы, пораженные красотой пробудившегося ото сна леса, склонили свои головки, пока ветер ласкал их стебельки. «Как вы преобразились! Вы украшаете этот день!» — говорили они друг другу.

Река шумела с новой силой, радовалась вернувшейся свободе и очищала берега от ледяных оков. Она резво и мелодично журчала в снежных колеях, а главной её задачей было как можно скорее запустить сотни водяных мельниц и помочь кораблям выйти в море.

Комочек глины в это время слепо ждал своего часа и лелеял заветные мечты. «Уже совсем скоро придет и моё время. Бог создал меня, чтобы однажды сделать знаменитым! Я не останусь в тени навсегда».

Как-то раз комок почувствовал, что его сдвинули с привычного места, где он провёл так много времени, выжидая своего часа. Его подняли металлической лопатой, положили в тележку, уже наполненную глиной, и по тому, как менялся пейзаж, комочек понял, что увезли его далеко-далеко. Но он не чувствовал страха или неуверенности, только не переставая твердил себе: «Красота всегда требует жертв. Сейчас я на пути к великому успеху».

Но трудности пути не шли ни в какое сравнение с тем, что пришлось испытать позже. Его бросили в огромный контейнер, месили, били, крутили и сдавливали. Ему казалось, он не сможет это пережить, но мысль о прекрасном будущем помогала держаться. Комочек верил: осталось потерпеть совсем чуть-чуть и он будет вознаграждён.

Затем комочек поместили на гончарный круг и придавали форму, пока он не стал настолько тонким, что казалось, сейчас взлетит и рассыпется на тысячи мелких кусочков. Странная, неведомая сила придавливала его к кругу: вместе с головокружением и болью он чувствовал изменения в теле.

И вот чья-то рука взяла его и переложила в печь. Огонь разгорался всё сильнее и ощущался горячее самых жарких солнечных лучей, которые освещали его родной берег реки. Однако комочек мужественно преодолел все трудности, уверенный в своём великом будущем. «Безусловно, раз сейчас я испытываю такие мучения, я буду вознаграждён. Возможно, скоро я стану плитой с орнаментом или королевской вазой».

Наконец, всё прекратилось. Комочек вынули из печи, и выставили остывать на ветру.

Желаемое так близко.

Подставку положили рядом с небольшим озером — не очень глубоким, не очень чистым, но достаточно спокойным, чтобы быть точным зеркалом. Именно в нём комочек глины впервые увидел своё новое обличье, увидел награду за всю боль и терпение, воплощение всех своих надежд — обыкновенный цветочный горшок. Гладкий, пузатый, красный и невзрачный. И в этот момент комочек осознал, что не был создан ни для дворца, ни для галереи искусства. Руки, работавшие над ним, не заботились ни о роскоши, ни о чести; он обратился к своему неведомому создателю: «Если всё так, зачем же я существую?»

Много дней комочек провёл в растерянности и замешательстве. В конце концов его наполнили землёй и что-то ему неизвестное — влажное, коричневое и почти совсем увядшее — поместили в маленькую лунку в земле и засыпали. Комок до последнего не признавал своего нового положения. «Самое худшее из всего, что могло со мной произойти — это быть наполненным грязью и мусором. Ну разумеется, я просто ничтожество», — корил он себя.

Через некоторое время горшок поставили в теплицу, где его согревали мягкие солнечные лучи и обрызгивали капли прохладной воды. Каждый день с ним происходили всё новые и новые изменения. Надежда продолжала теплиться в его душе, но он вовсе и не догадывался, что же она может значить.

И вот горшочек снова подняли и внесли в величественную церковь. Его мечте всё же суждено было сбыться — для него была заготовлена важная роль в этом мире. Вокруг играла приятная музыка, горшочек окружали цветы. Но он всё ещё не понимал происходящего и прошептал другому похожему на него горшочку: «Почему нас здесь поставили? Почему люди так пристально на нас

смотрят?» И он ответил: «Разве ты не знаешь? В тебе цветёт королевская лилия. У неё белоснежные лепестки и сердцевина словно чистое золото; она завораживает всё живое. Люди смотрят не отрываясь, ведь самое прекрасное на свете — цветы. И корни одного из всех чудесных цветков этого мира произрастают в твоём сердце».

Отныне комочек тихо благодарил своего создателя. Он понял: под землёй, которую он когда-то считал грязью, хранилось маленькое сокровище.

«ЕСЛИ КТО ХОЧЕТ ИДТИ ЗА
МНОЮ, ОТРЕСНИСЬ СЕБЯ И
ВОЗЬМИ КРЕСТ СВОЙ»
(Мф, 16, 24)

Артур Кларк отрывок из рассказа «Стена Тьмы»

Перевела Алина Яковлева

Столетия назад Первая Династия сокрыла от чужих глаз половину планеты и не оставила даже намёка на причину... Только Шерван отважился преодолеть этот громадный барьер и узнать шокирующую правду о том, что лежит по ту сторону...

Множественны и самобытны вселенные, плывущие, подобно пене, по реке времени. Немногие — очень немногие — движутся против этого течения; ещё меньше тех, что всегда находятся за его пределами, не ведая ничего о будущем или о прошлом. Крошечный космос Шервана не был одним из таких. Его странность была другого толка. Он состоял лишь из одного мира — планеты Шервана и единственной звезды Трилорн, которая несла жизнь и свет.

Шерван не знал о том, что такое ночь, ведь Трилорн всегда сиял высоко в небе, опускаясь к горизонту только в долгие зимние месяцы. В пределах Земли Тени — это правда — наступал сезон, когда Трилорн словно полностью покидал этот мир, и на землю опускалась такая тьма, что никто не смог бы в ней выжить. Но даже тогда тьма не была беспросветной, хоть на небе и не было видно звёзд, сияние которых рассеяло бы черноту.

Единственный в этом маленьком космосе, всегда повёрнутый одной и той же стороной к своему одинокому светилу, мир Шервана был последней и, пожалуй, самой странной шуткой Создателя Звёзд.

Когда Шерван смотрел на владения своего отца, его голову посещали мысли, совершенно обычные для любого мальчишки его возраста и его положения. Его сердце трепетало, ему было любопытно и немного страшно. Но самым сильным его желанием было выйти в огромный мир, простирающийся перед ним. Шерван был ещё слишком мал для этого, но старинная резиденция, которая была его

домом, возвышалась на много миль, так что он мог запросто любоваться землёй, которую однажды унаследует.

Стоило Шервану повернуться к северу, как свет Трилорна заливал его лицо и он мог увидеть вдали длинную горную гряду, изгибом уходящую к востоку: вершины гор поднимались всё выше и выше, в конце концов исчезая из виду за спиной мальчика по направлению к Земле Тени.

Слева от мальчика всего в нескольких милях простирался океан, и иногда до слуха Шервана доносился грохот волн, обрушивающихся на слегка отлогий песчаный склон. Никто не знал, насколько велик был океан. Корабли пересекали его, плывя на север; Трилорн тем временем поднимался выше по небосклону, и жар его лучей становился всё сильнее. Задолго до того, как великое светило достигнет зенита, корабли должны вернуться. Если воспетая в мифах Земля Огня действительно существовала, ни один человек не посмел бы даже надеяться когда-нибудь достичь её пылающих берегов.

Все обитаемые страны мира Шервана лежали на узкой местности между поясами изматывающего зноя и нестерпимого холода. Где бы ты ни находился, дальний север был недостижимой территорией, которую Трилорн никогда не лишал своего яростного света. А к югу от всех стран лежала огромная, покрытая мраком Земля Тьмы, где Трилорн был не более чем бледным диском на небосклоне, а зачастую не был виден вовсе.

Это всё, что Шерван узнал за годы детства, и в то время у него совсем не возникало желания покидать обширные земли меж горами и морем.

С рассвета веков его предки и их пращуры тяжело трудились, стремясь сделать эти земли самыми прекрасными в мире. В этом месте раскинулись красочные сады с чудными цветами, здесь журчали ручейки, мягко огибая покрытые мхом скалы и теряясь в кристально чистых водах спокойного моря. В этом месте поля были засеяны пшеницей, непрестанно шелестевшей на ветру, словно ещё не проросшие семена переговаривались между собой. На широких лугах и среди деревьев бесцельно, с глупым мычанием бродили дружелюбные коровы. И в этом месте стоял громадный для восприятия ребёнка дом с просторными комнатами и бесконечными коридорами, в действительности небольшой.

Это был мир, в котором Шерван провёл ранние годы жизни, мир, который он знал и любил. И пока что всё, что лежало за его пределами, не волновало мальчика.

Но вселенная Шервана не была одной из свободных от течения Времени. Пшеница зрела, и её собирали в зернохранилища; Трилорн медленно передвигался по небосводу. Проходили годы, Шерван вырос. Сейчас его родина казалась ему меньше: горы стояли ближе друг к другу, а море находилось почти в двух шагах от замка. Он заново изучал мир, в котором ему предстояло занять место, данное по праву рождения.

Джейсон Рейнольдс «Первый школьный день»

Перевела Диана Аконова

Есть всего два дня, которые важны для тебя. Два дня, которые что-то значат. День рождения, который наступит словно через миллион дней, и завтра — первый школьный день. Конечно, ты не любишь школу. Потому что там особенно нечего любить. Коридоры всегда странно пахнут и нужны лишь для того, чтобы добираться по ним до кабинетов. Учителя только и делают, что напоминают: они уже получили образование, и теперь твоя очередь получить своё, а потом отправляют тебя к директору, потому что ты никак не можешь перестать говорить о том, что Томас Бейкер наступил тебе на ногу своими грязными ботинками и превратил твой кроссовок в месиво. У Томаса Бейкера ноги размером с доски для сёрфинга, но он не добирается до школы *таким* образом. Кажется, он ходит через какой-то лес, который ты никогда прежде не видел. Через канавы или что-то типа того. Может, болота. В любом случае, ты даже никому не говорил о нём. Ты только бормотал себе под нос «*Большеногий Бейкер*», склонившись над партой, облизывал палец и оттирал коричневую корку со своих кед, осторожно соскребая грязь ногтем — прямо как твоя мама стирает пальцами сон с твоих глаз по утрам, когда тебе слишком лень умываться. Ты знаешь: именно так ты возвращаешь вещи к жизни. Но, когда это не работает, когда грязь с обуви Томаса Бейкера занимает первое место в категории «грязь с обуви», ты решаешь справиться с ней острым углом транспортира.

Откуда тебе было знать, что геометрия, оказывается, важнее, чем твой стиль? Как ты мог услышать хоть что-то из того, что миссис Монтгомери говорила о треугольниках, диаметрах и гипотенузах, когда твой кроссовок буквально истекал кровью? Кровью! Я хочу сказать, разве она не видит, насколько ты переживаешь, пытаешься справиться с такой чрезвычайной ситуацией и одновременно выяснить, как пользоваться транспортиром? (Кто вообще умеет пользоваться транспортиром?) Вскоре на тебя накатывает настоящий прилив восторга, когда ты понимаешь, что транспортир — это именно то, что нужно, чтобы очистить кожу. (*Вот как он используется.*) Разве она никогда не портила свои любимые вещи? Разве ей никогда не занижали оценку или не отстраняли от занятий только потому, что какой-то мальчишка плохо управляется с чересчур рано выросшими ногами? Разве она никогда не испытывала эту боль? Может, просто забыла. Так что миссис Монтгомери отправляет тебя в кабинет директора. Снова. И все мычат, как коровы, потому что они дети. Снова. А ты скрипишь зубами, но по-взрослому.

Вот она — школа.

Так проходят все дни после первого. Но завтра — первый школьный день. День, который имеет значение. И ты готов к нему. *Готов.* Твой старший брат наконец отдал тебе свои любимые джинсы — те, которые нравятся тебе больше всего, — но раньше, когда ты просил одолжить их, он всегда говорил «нет», огрызаясь как собака. Говорил: колени в прекрасном состоянии, а то ведь можно неудачно шагнуть, зацепиться коленом — и вместо аккуратного разреза получится дырка, а это никуда не годится. Но теперь они ему малы, так что наконец он сказал «да». Да. Ты не можешь терпеть. Ещё неделю назад ты вывернул их наизнанку, постирал в холодной воде, повесил на перекладину для шторы, чтобы стекла вода, потому что в сушилке они бы превратились в колготки. В колготках нет ничего плохого, но в них наверняка появится дырка. Где-нибудь. Не там, где нужно. В самый неподходящий момент.

Ты попросил маму погладить их, потому что она делает это лучше всех. Принцесса Утюг. Железная Женщина. Она умеет превращать мятую ткань в нечто похожее на тонкие деревянные пластинки. Она знает, как вдохнуть жизнь в вещь с помощью пара и крахмала. Сделать так, чтобы она выглядела новее, чем в день покупки. Но мама сказала, что она не прислуга, и поинтересовалась: неужели ты думаешь, что она научила тебя гладить в шесть лет, чтобы всю жизнь делать это за тебя? Ты хотел было цокнуть языком, но не стал, потому что любишь свою жизнь и не хотел бы потерять её ещё до того, как закончится первый день школы, из-за пары джинсов, доставшихся от

брата. Вместо этого ты разложил гладильную доску, налил в утюг воду и принялся за работу. Сначала левая штанина. Ты расправляешь её, прижимаешь утюг, нажимаешь кнопку, выпускающую пар, и он клубится наружу, будто призраки, которых наконец отпустили на свободу. Ты понятия не имеешь, зачем нужен пар, но знаешь, что именно так мятую одежду превращают в опрятную. Так гладят. Левая штанина, правая штанина. Вперёд и назад по ткани. Ты осторожен и не оставляешь складок на джинсах, потому что никто не должен ходить в мятых джинсах. Никто. Ни ты, ни твой брат. Не мистер Шейнклин, который, почему-то, так и не понял, что одежда не должна мяться. Ему стоило бы стать учителем геометрии, потому что его джинсы

всегда полны самых неправильных прямых углов и, наверное, гипотенуз. Но он не преподаёт математику. Он преподаёт... ты даже не знаешь, что именно. Но в этом году он твой классный руководитель, и ты считаешь, что это твой шанс показать ему, как должны выглядеть выглаженные джинсы. Джинсы как спокойное озеро, а не бурлящая река или острый айсберг. Стрелки — для парадных брюк. А ты не пойдёшь в них в школу, даже если сам Господь попросит тебя об этом.

Закончив с глажкой, ты повесил джинсы на стул в комнате. Прошла неделя. Они все ещё там. Ты не трогал их: даже стул, если не считать минуты назад, когда ты взял с него пакет. В нём вчерашние покупки. Приобретать такое всегда непросто: пробираться по магазину мимо отдела с украшениями, через джунгли женского белья, где всё висит по одной штучке; к отделу мужского белья, где всё сложено и упаковано, как хлопковые зефирки. Ты просовываешь палец сквозь упаковку, прокалываешь прозрачную плёнку,рываешь и наконец вытаскиваешь рубашку из странного пластикового кокона, внутри которого прятались три самые красивые бабочки на свете. Белизна ослепляет. Ты встряхиваешь рубашку, освобождая от складок упаковки — линии прорезают ткань, словно клеточки на поле для крестиково-ноликов. Но, как и джинсы, футболки нельзя мять. Особенно новую белую. Она должна выглядеть так, будто её надевают впервые, но не так, будто ты *сам* впервые в жизни это делаешь, если это вообще имеет смысл. Для тебя имеет. Так что от этих линий нужно избавиться. Но не с помощью утюга. Потому что это всего лишь рубашка. Ты не хочешь относиться к ней *слишком* серьёзно. Но тебе надо отнестись к этому достаточно серьёзно. Ты вешаешь её на душевую перекладину, прямо туда, где сушились джинсы. Закрываешь дверь ванной, запираешь её. Включаешь горячую воду. *Очень* горячую. Потом садишься на туалет (не в том смысле) и ждёшь.

И ждёшь.

И ждёшь. Пока пар заполняет комнату, и складки расправляются и исчезают. Пока твой брат не постучит в дверь. Ему нужно зайти. Ты говоришь, что почти закончил. Он отвечает, что не может больше ждать. Но тебе нужно ещё пять минут, а он уже не может терпеть. Затем ты слышишь другой голос, стук становится громче. Теперь это мама, и она говорит, что вода, как и деньги, на деревьях не растёт, поэтому, пока ты не моешься, тебе нужно выключить душ, если только ты не хочешь увидеть, как пар превращается в дым, и ты понятия не имеешь, что это значит, но глупо пытаться выяснить. Но всё же

но всё же

в с ё ж е

именно *она* научила тебя этому трюку с душевым паром. Научила тебя создавать свежий и естественный образ, а не выглядеть так, будто ты нарядился для первого школьного дня. И она всё ещё твоя мама. Поэтому, когда она говорит тебе выключить душ, ты соглашаешься. Пара так много, что ты едва можешь что-то разглядеть, но ты знаешь: рубашка должна быть уже хотя бы без складок. Ты открываешь дверь и видишь брата, согнувшегося

пополам. Он зол, но не может произнести ни слова. Ты знаешь, что он готовит для тебя какую-то встрёпку, но у тебя нет времени переживать об этом.

Потому что тебе всё ещё надо привести в порядок обувь. Надо развязать шнурки, снова зашнуровать их и убедиться, что от Большеного Бейкера не осталось и следа, что пятно с прошлого года исчезло окончательно, и что складки и заломы, которые ты оставлял на этих кедах за всё время, прошедшее с тех пор, как ты получил их на день рождения, были хотя бы чистыми, потому что их нельзя ни разгладить, ни отпарить. Ты чистил их почти каждый день зубной щёткой и пастой, тряпкой и мылом, а иногда — острым углом транспортира, который *ещё* полезнее, когда дело касается извлечения камешков из подошвы.

В своей комнате ты встаёшь перед зеркалом для генеральной репетиции. Потому что в сам день рисковать нельзя. Нужно всё проверить. Испытать. Ты надеваешь джинсы, натягиваешь их и застёгиваешь на худой талии. Они сидят на тебе так же, как на брате до того, как он вырос. До того, как разрез с колена переместился на бедро. Тебе всё ещё не хватает примерно дюйма¹ в талии, а около щиколоток ткань джинс опускается на целых два дюйма — достаточно места, чтобы носить их какое-то время, если хорошо ухаживать за ними. Следом надеваешь белую футболку. Без складок, но и не слишком выглаженную. Она выглядит так, будто ты даже не стараешься быть крутым. Просто выглядишь круто. Свежо. Потому, что ты — это ты. И потом — кеды. Обувь. Короны на твоих ногах. Не новые, но верные и надёжные, когда дело касается твоего стиля. Да. Ты смотришь в зеркало. Типа, да. И думаешь. Ты — это ты. Ты — стиль. Завтра ты будешь в ударе. Завтра принесёшь в этот вонючий коридор хоть немного свежести. В первый школьный день. В день, который имеет значение. Снова. И ты готов. Снова. Ты выглядишь новее, чем выглядел, когда был новеньким. А завтра утром волнение каким-то образом не даст тебе умыться. И ты будешь цокать языком, пока мама будет качать головой, облизывать большой палец и стирать сон с твоих глаз. Потому что именно так ты возвращаешь вещи к жизни.

Снова.

Ты.

Улыбаешься. Потому что.

Ты.

знаешь. Ты з н а е ш ь.

Ты.

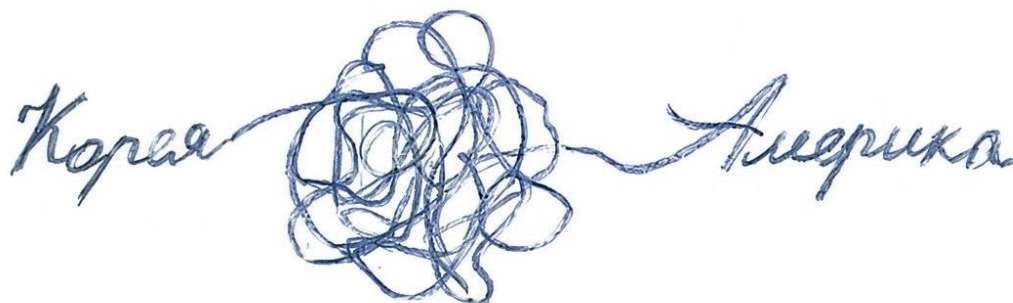
Будешь.

На высоте. Так вперёд.

¹ Дюйм — единица измерения расстояния и длины, равная 2,54 см

Каролайн Хван «Хорошая дочь»

Перевела Алла Измайлова

Заходя в химчистку, я знала, что женщина за стойкой приехала из Кореи, как и мои родители. Чтобы показать ей, что мы одного происхождения и, возможно, получить скидку как соотечественница, я, наклонив голову вперед, стесняясь, симитировала традиционный поклон. «Имя?» — спросила она, не замечая мою попытку изобразить почтение. «Хван», — ответила я. «Хван? Вы китаянка?» — Её вопрос сбил меня с толку. Я привыкла слышать такие вопросы от людей неазиатского происхождения, которые думают, что все азиаты одинаковые, но не от «своих». Конечно, единственные корейцы, которых я знаю, — это мои родители и их друзья — люди, которые никогда не спрашивали, откуда я родом, так как они знают о моем происхождении лучше меня. Я начинаю перебирать в голове все слова на корейском, которые показали бы ей, кто я. Мне всегда казалось забавным (и в некотором роде грустным), что я быстрее могу сказать, что я корейка по-испански, немецки и даже на латыни, чем на языке своих предков. В конце концов, я сказала по-английски. Женщина из химчистки прищурилась, словно пытаясь разглядеть что-то за моей необычностью, повторяя мою фамилию себе под нос. «О, Фуанг», — сказала она, сгибаясь пополам от смеха. «Ты не знаешь, как произносить своё имя». Я вздрогнула. Возможно, в этот момент я была особенно чувствительна, так как только вылетела с аспирантуры. Я разорвала карту своего будущего — ту, на которой было написано не только, куда я направлялась, но и кто я есть. Моё чувство самоопределения уже было разрушено.

Вернувшись домой, я позвонила родителям, чтобы спросить, почему они никогда даже не задумывались меня поправить. «И так хлопот полон рот», — ответила мать, что прозвучало более легкомысленно, чем я предполагала. (Как многие люди, изучающие английский на курсах, она использовала идиомы, которые не всегда подходят к случаю). «И что с того, если ты не можешь произнести своё имя? Ты американка», — сказала она. Даже несмотря на то, что я не выпытывала у нее объяснения, ответ не удовлетворил меня.

Дело в том, что моя национальная идентичность не такая ясная. Мои родители иммигрировали в эту страну 30 лет назад, за два года до моего рождения. Пока я росла, они часто говорили мне, что если я захочу, то однажды смогу стать президентом, что здесь мои возможности соответствовали бы моим желаниям. Чтобы я могла воспользоваться всеми преимуществами этой страны, родители позаботились о том, чтобы я полностью адаптировалась. Поэтому, как и любая американка моего поколения, я коротала свою юность, прогуливаясь по торговым центрам и разговаривая по телефону, восхищалась голубыми глазами Эндрю Маккарти или размышляла над тем, что означало приглашение одного старшеклассника сходить со мной на футбольный матч.

Для своих родителей я полностью американка, и жертвы, принесённые ими после покидания Кореи — в том числе моё неправильное произношение своего же имени, — ничто по сравнению с возможностями, которые мне дало это самопожертвование. Они не видят, как я живу на стыке двух культур и того, что я не чувствую себя «дома» в единственной известной мне стране. Я отождествляю себя с американцами, но они не отождествляют себя со мной. Я никогда не знала, каково это — быть частью какого-либо общества или большой семьи. Я знаю о Европе больше, чем о континенте моих предков.

Я иногда задумываюсь, так же как и в тот день в химчистке, была бы я счастливее, если бы мои родители остались в Корее. Я начала рассматривать эту идею в то время, когда решила пойти в аспирантуру. Это был компромисс: мои родители хотели, чтобы я поступила на юридический; я хотела отказаться от ношения накрахмаленных воротничков и стать писательницей — чем голоднее, тем лучше. Но

после 20 лет прислушивания к их желаниям и оправдания всех их желаний, я не могла заставить себя послушаться или разочаровать их. Я помню, как думала о том, что писательская карьера рискованнее правовой. Если я неудачница, и моя жизнь — сплошной провал, тогда во что это превращает жизнь моих родителей? Я знаю, что многим моим друзьям приходилось выбирать между тем, чтобы угодить своим родителям, и тем, чтобы быть честными с самими

собой. Но для детей иммигрантов выбор становится еще сложнее, поскольку счастливый итог невозможен. Совершив ради меня самый важный шаг в своей жизни, мои родители обязали меня «выплатить» самый большой долг, какой только можно представить — воплотить их надежды на меня. Это разрывало меня изнутри, когда я подавляла свою мечту, но я пошла защищать кандидатскую по английской литературе, думая, что нашла прекрасный компромисс. Я могла бы, по крайней мере, писать о книгах, пока учусь в аспирантуре. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло. Как я могла учиться на программе пять лет, не имея к тому ни малейшего желания?

Когда я наконец-то отчислилась, мои родители были разочарованы, но, так как это не было тем, чем они хотели бы, чтобы я занималась, они не были очень подавлены этим. С другой стороны, я начала чувствовать себя на дне пропасти. Я видела изъян в своей половинчатой жизни, в своей запланированной жизни из компромиссов. Я не думала о личном, но собиралась часто идти на уступки. Несмотря на то, что родители вырастили меня, как американку, они хотели, чтобы я вышла замуж за какого-нибудь корейца и родила им внуков, похожих на них. В четырнадцать лет это не казалось таким большим запросом, но сейчас я не знаю, что делать. Я никогда не любила тех, с кем встречалась, или не встречалась с теми, кого любила. (Потому что я не могу заставить себя даже подумать о том, чтобы выйти замуж за некорейского мужчину, который мне нравится. Я встречаюсь только с теми, в отношении кого, как я знаю, у меня может оставаться ясная голова). Подходя к такому возрасту, где замужество преследует все отношения, я не могу не задаваться вопросом, не из-за ожиданий ли моих родителей в моей жизни не хватает страсти.

Мои родители не хотели, чтобы их дочь была корейкой, но и не желали, чтобы она полностью была американкой. Дети иммигрантов — живые парадоксы. Мы — первое и последнее поколение. Мы находимся в этой стране ради её возможностей, но долг перед семьей связывает нас. Когда мои родители входили на самолёт, они знали, что отправляются в трудное путешествие. Не думаю, что они представляли, какой тернистый путь ждёт их дочь, которая даже не может произнести свое имя.

Хулиа Яльварес «Дитя изобретения»

Перевела Елизавета Жерельева

В тот воскресный вечер я читала стихи, чтобы вдохновиться: Уитмен в старом издании с гравюрой на обложке. Мой папа взял его в комиссионке рядом с офисом пару недель назад. «Я славлю себя и воспеваю себя»¹. «И тот докажет, что он усвоил мой стиль борьбы, кто убьёт своего учителя насмерть»². Слова поэта шокировали и потрясли меня. Я привыкла к приглаженной религиозной литературе, к книжкам, в которых всё прилично и правильно, назидательным стихотворениям и выхолощенным текстам. Но здесь живой человек, из плоти и крови: рыгающий, смеющийся, потеющий в стихах. «Кто коснётся книги, тот коснётся меня»³.

В ту ночь я наконец-то начала писать. Взахлеб, страницу за страницей. Лишь раз я подняла глаза и увидела, как папа проходит в коридоре на цыпочках. Когда я закончила и перечитала написанное, на мои глаза навернулись слёзы. Наконец-то я звучала на английском по-настоящему!

Закончив первый набросок, я сразу же позвала маму. Она слушала внимательно — так, как слушала моего отца, — и под конец её глаза тоже блеснули. Лицо у неё было спокойным, нежным и гордым.

— Как же чудесно! Просто прекрасно, Кукита. Пусть папа послушает, прежде чем ляжет спать. А потом я перепечатаю всё для тебя, ладно?

Мы шли по коридору вдвоем, с раскрасневшимися от счастья лицами. Вошли в родительскую спальню, где отец, откинувшись на подушки, ещё не спал. Он читал доминиканские газеты, вышедшие несколько дней назад. Папа снова заинтересовался судьбой своей родины. «*Диктатура свергнута. Временное правительство готовилось провести первые свободные выборы за последние 30 лет*». В его голове всё ещё бродили сомнения, не стоит ли нам вернуться. История творилась прямо сейчас, в воздухе снова запахло свободой и надеждой! Но мама уже привыкла к здешней жизни. Ей не хотелось возвращаться на родину, где она была просто женой и матерью (причем несостоявшейся, поскольку так и не родила желанного сына). Она не стала открыто возражать против планов отца. Вместо этого она поворчала на него за то, что он читает газеты в постели, пачкая простыни этими плохо напечатанными газетёнками.

¹ Цитата взята из поэмы Уолта Уитмена «Песня о себе». Стихотворение «Песня о себе» Перевод К. Чуковского

² Цитата взята из поэмы Уолта Уитмена «Листья травы». Стихотворение «Песня о себе» Перевод К. Чуковского

³ Цитата взята из поэмы Уолта Уитмена «Листья травы». Стихотворение «Прощай, моё Вдохновенье!». Перевод К. Чуковского

— «Таймс» — не такая уж плохая газета! — заявляла она, когда отец отшучивался, что за обоими водится грешок читать в постели.

Стоило отцу увидеть нас с мамой, как он отложил газету, и его лицо просияло, словно жена наконец-то родила ему сына, и именно эту новость мы ему принесли. Его зубы уже плавали в стакане рядом с лампой, так что он прошепелявил: «Э-выфтупление, Э-выфтупление».

— Как же это красиво, папуля, — сказала мама, выключая звук телевизора. Она присела у изножья кровати. Я замерла перед родителями, мешая разглядеть солдат в вертолетах, высаживающихся под приглушенные звуки оружейных выстрелов и взрывов. Ещё несколько недель назад бои шли на побережье Доминиканской республики. Сейчас же солдаты защищали побережье юго-восточной Азии. Мама кивнула, чтобы я начала читать.

Меня не нужно было упрашивать. Засучив рукава, как сказала бы мама, я прочла всё от начала до конца, не поднимая глаз. Когда закончила, мне стало немного неловко от гордости за собственные слова. Я сделала вид, будто недовольна парой фраз, которые меня все равно заставят помянуть, и вопросительно взглянула на маму. Её лицо сияло. Она повернулась, чтобы поделиться гордостью с отцом.

Но выражение его лица шокировало нас обеих. Беззубый рот плотно сомкнулся, глаза пожирали меня. Затем он перевел осуждающий взгляд на маму. Едва слышно по-испански, будто вокруг была расставлена прослушка или рыскал шпион, он прошептал: **«Ты позволил ей титать это?»**

Мамины брови взлетели вверх, рот приоткрылся. На родине любой шепоток, бросающий вызов власти, мог привлечь тайную полицию на черных фольксвагенах. Но тут Америка. Люди могли говорить всё, что думали.

— Что не так? — спросила мама.

— Фто не так? — отец повернулся к маме. Его гнев всегда был страшнее, когда он говорил на ломаном английском. Словно он уродовал язык в порыве гнева, и теперь ничего не разделяло нас и его необузданную, тупую ярость.

— Фто не так? Я скажу тебе, фто не так. В её тексте нет благодарности. Это хвастовство. «Я славлю себя и воспеваю себя». «И тот докажет, фто он усвоил мой стиль борьбы, кто убьет своего учителя насмерть» — он смеялся над словами, которые я списала! — Это непокорность. Это неправильно. Это неуважение к нашим учителям, — в гневе он забыл о страхе подслушки. Каждое возмущившее его слово он выкрикивал всё громче — на децибел громче предыдущего. В конце концов он стал орать на меня: «На правах твоего отца, я запрещаю тебе произносить этот ээ ... текст!»

Мама вскочила — верный признак того, что она собирается что-то сказать или выдвинуть ультиматум. Она была невысокого роста, и все свои заявления произносила стоя — то ли для большей уверенности, то ли по привычке, оставшейся со времен учёбы в монастырской школе, где для того, чтобы заговорить, нужно было попросить разрешения. Она встала рядом со мной, плечом к плечу. Мы обе смотрели на отца.

— Не разговаривай таким тоном, Эдуардо, — начала она.

К этому времени отца охватила настоящая ярость. Беда была не только в том, что я взбунтовалась. Мама встала на мою сторону! Скоро в доме останутся только независимые американки. Отец тоже вскочил с кровати, сбросив одеяло. Испаноязычные газеты разлетелись по комнате. Он выхватил у меня из рук листок и с безумным, мстительным выражением лица, поднес его к моим испуганным глазам, а затем раз, другой, третий, бесчисленное число раз порвал мой драгоценный текст в клочья.

— Ты ненормальный! — набросилась на него мама. — Ты сошел с ума? Это же её речь для завтрашнего выступления!

— Сошел с ума? — отец оттолкнул её. — Ты позволишь ей протитать это? Это оскорбление в адрес её учителей!

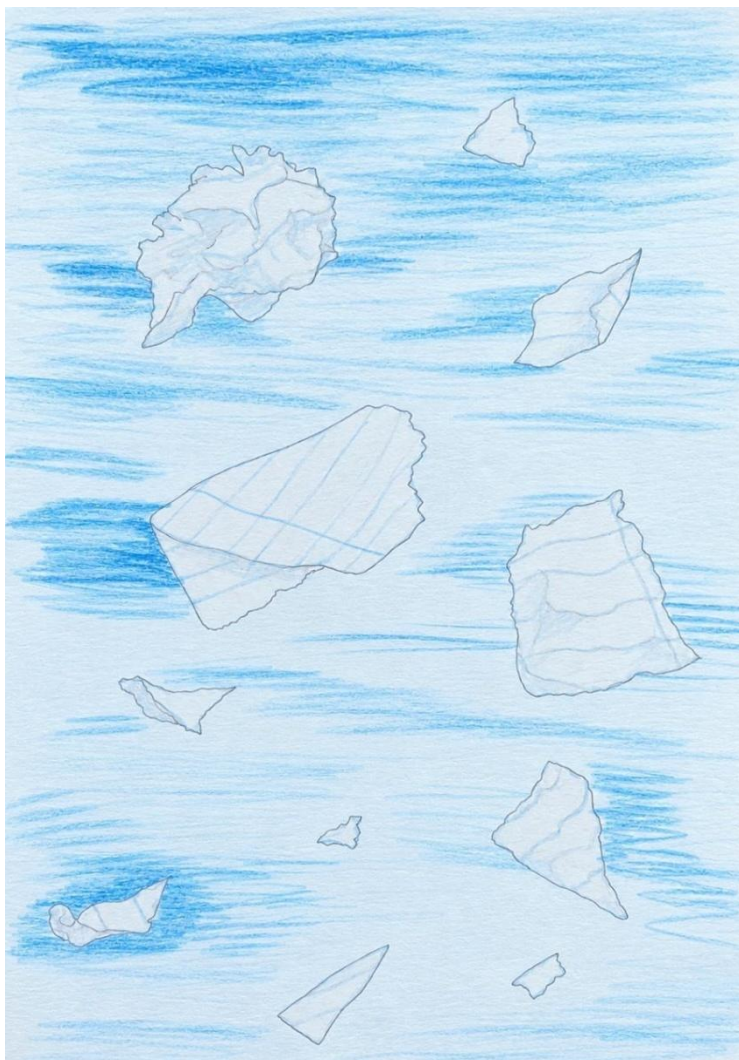
— Оскорбление учителей! — лицо мамы сморщилось, как скомканный лист бумаги, на котором было написано любовное послание моему отцу. С тех пор как они приехали в эту страну, их совместная жизнь превратилась в сплошную войну.

— Это Америка, дорогой, Америка! — напомнила она ему. — Ты больше не в дикой стране!

Я стояла на коленях, безудержно рыдая и собирая по кусочкам свой текст, надеясь восстановить его до завтрашнего утреннего собрания. Но даже волшебница не смогла бы разобраться в этих несвязных обрывках.

— Он порвал его, порвал, — простонала я, собирая клочки.

Вероятно, если бы я хоть на секунду задумалась, я бы не стала делать того, что сделала потом. Я бы поняла, что отец потерял братьев и товарищей из-за диктатора Трухильо¹. Всю оставшуюся жизнь он будет бояться крови на улицах и ночных исчезновений. Даже после многих лет в Штатах он вздрагивал, если по улице проезжал чёрный фольксваген. Он боялся всех, кто носил форму: парковщицы,

¹ Рафаэль Леонидас Трухильо Молина — доминиканский государственный, политический и военный деятель, фактический диктатор страны с 1930 по 1961 год.

выписывающей чек, зрителя, который подходил сказать, чтобы отец не трогал своего любимого Гойю в Метрополитен-музее.

Я взяла горсть собранных обрывков, встала и швырнула ему в лицо. «Ты всего лишь очередной Чапита¹!» Отцу хватило мгновения, чтобы распознать ненавистное прозвище нашего диктатора, и он бросился за мной. Мы помчались по коридорам, но я оказалась проворнее и успела запереться в комнате как раз в то мгновение, когда отец навалился на дверь всем своим весом. Он сыпал проклятиями, и, пользуясь отцовским авторитетом, приказывал мне немедленно открыть дверь! Дергал ручку, но все было напрасно. В ту ночь меня спасла мамина любовь к гаджетам. После того как прошлым летом наш дом обокрали, пока мы были в отъезде, она наняла мастера, чтобы поставить надёжные замки на все двери спален. Если бы грабители снова забрались в дом, а мы находились внутри, им пришлось бы взламывать вторую линию замков, прежде чем добраться до нас.

— Эдуардо, — попыталась успокоить его мама. — Не сломай мои новые замки.

Наконец, он действительно успокоился, выпустив гнев. Я слышала, как шаги родителей удаляются по коридору, затем — приглушенные голоса: мамин, звенящий от гнева, убеждающий, и тихий шепот отца, пытающегося что-то объяснить и оправдаться. Наконец в доме воцарилась тишина, прежде чем я услышала вдалеке пушечные выстрелы и взрывы. Раздались серьёзные, напыщенные голоса дикторов, рассказывающих о войне телевизору.

Спустя некоторое время в дверь тихонько постучали, затем дернули ручку.

— Кукита? — прошептала мама. — Открой, Кукита!

— Уходи, — простонала я, но мы обе знали, что я рада её видеть, и мне нужно немного поважничать, чтобы сохранить лицо, прежде чем открыть дверь. В тот вечер всё свелось к тому, что мы в последнюю минуту сочиняли речь вместе. Две короткие страницы с избитыми комплиментами и вежливыми банальностями об учителях, написанные без особой выдумки матерью для дочери поздним вечером в подвале на листке бумаги тем же карандашом, которым она когда-то записывала свои идеи изобретений. Я была слишком расстроена, чтобы сочинять самой. Когда черновик был готов, мама напечатала его, пока я стояла рядом, исправляя её оговорки и неверные слова.

Она была невероятно горда собой, когда на следующий день я вернулась домой и рассказала, насколько успешно прошло собрание. Монахини были польщены, зал аплодировал стоя нашим «преданным учителям». Всё прошло именно так, как мама и предполагала.

Она захлопала в ладоши, когда я пересказала ей эту сцену.

— Я позаимствовала это из речи твоего отца, помнишь? Помнишь, как он вставил это в конце? — она процитировала отца по-испански, затем перевела для меня на английский.

¹ Chapita — здесь, прозвище доминиканского диктатора.

В ту ночь я наблюдала за отцом из окна верхнего этажа, куда спряталась, как только услышала, что его машина остановилась перед домом. Отец медленно шел по дорожке, с угрюмым выражением лица. Он тащил большую, тяжелую картонную коробку. У входной двери он осторожно поставил коробку на землю и похлопал себя по карманам в поисках ключей от дома — именно для этого моя мама и придумала брелок с тикающим механизмом. Я услышала, как внизу щёлкнули замки. Услышала, как он пытается протиснуть коробку в узкий дверной проём. Потом он несколько раз окликнул меня по имени. Но я не ответила.

— Дочка, папа очень любит тебя, — произнёс он, стоя внизу у лестницы. — Он просто хочет тебя защитить, — наконец пришла мама и стала умолять меня спуститься и помириться с отцом.

— Папа не хотел причинить тебе зла. Ты должна его простить. Ведь всегда худой мир лучше доброй ссоры, разве нет?

Думаю, это было правильно. Внизу я обнаружила, что отец устанавливает на кухонном столе новую электрическую пишущую машинку. Она была даже лучше той, о которой я мечтала, точь-в-точь как у мамы. Отец превзошел сам себя, предусмотрев множество функций: пластмассовый защитный чехол с моими инициалами, наклеенными под ручкой, подставка, удерживающая лист бумаги вертикально во время печати, картридж, автоматический установщик полей и пластмассовая крышка, вроде чехла для тостера, чтобы защитить машинку от пыли. Даже мама не смогла бы придумать такую машинку! Дни, когда мама занималась изобретениями, остались позади, а мои школьные успехи только начинались. Вот почему я всегда считала, что вовсе не колёсики для чемодана, которые запомнились всем остальным членам семьи, а текст, который написала мне мама, был её последним изобретением. Мама как будто передала мне свой карандаш и блокнот и сказала: «Ладно, Кукита, вот всё, что тебе нужно. Теперь твоя очередь творить!».

Рецензия на перевод И. Б. Комаровой песни «Far over the misty mountains cold» из книги «Хоббит» Дж. Р. Р. Толкина

Елизавета Бразжникова

Для большинства жанров литературы сюжет и персонажи гораздо важнее описания пространства, ведь подразумевается реальный мир, окружающий любого человека. Для фантастики же, и особенно для фэнтези, обозначить характеристики вселенной необходимо, ведь это создает ту самую атмосферу, за которую и любят книги этих жанров. В книге Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит» особенности мира раскрываются постепенно: от мирного Шира до жуткой Одинокой Горы. Но уже в первой главе, когда гномы зовут Бильбо в путешествие к Одинокой Горе, чтобы убить дракона и вернуть золото гномов, забрасывается «крючок»: предыстория компании, задающая будущую атмосферу пути, песня «Far over the misty mountains cold» (или «За синие горы, за белый туман» в русском варианте). И. Б. Комарова перевела для «Хоббита» только стихотворные вставки, в частности эту песню. Посмотрим, сохраняет ли этот вариант общее впечатление и авторскую мысль, что и является основной задачей.

В оригинале фрагмент стилизован под народный эпос с помощью формальных особенностей. Отчасти переводчик их сохраняет. Сбивающаяся на третьей строке рифмовка (ААБА) в переводе остаётся, в этом аспекте интерпретация совпадает с оригиналом. Песенность передаётся с помощью мелодичного амфибрахия, хоть авторский текст и не соответствует этому размеру. Однако переводчик игнорирует важную деталь стилизации — своеобразный «зачин». Первая строфа в оригинале повторяется трижды с небольшими изменениями. Подобные запевы характерны для фольклорных песен, а в оригинале песня представлена именно как элемент «гномьего эпоса», то есть культуры целого народа. В переводе же строфа есть только в начале и в конце, из середины она вырезана — это заметное упущение, которое выглядит как вольность переводчика. В финале «зачин» терпит слишком большие изменения: остаётся одна строка, хотя в английском тексте меняются одни лишь определения — синтаксис предложений сохранён. Так, в переводе сильно видоизменяется запев текста, его повтор пропадает, из-за чего текст выглядит менее фольклорно, а это важно в оригинале.

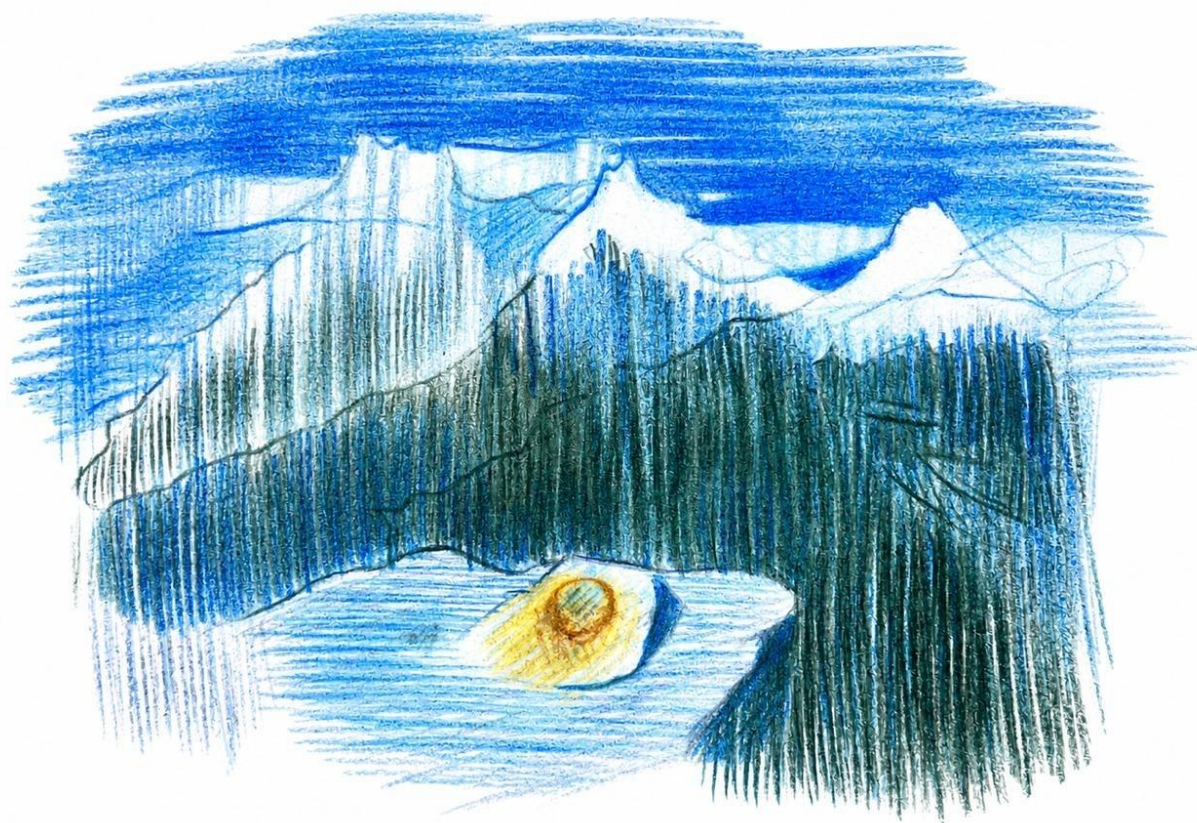
Также в рефрене переводчиком смещаются акценты. В оригинале параллельно с внутренним сюжетом развивается понимание цели

путешествия. Сперва представлено «pale enchanted gold» («блеклое зачарованное золото»), которое собираются «to seek», то есть найти, хотя золото уже обладает эпитетом «поблекшее/блеклое», подразумевающим и древность, и покинутость. Потом передаются события, связанные с драконом, и в свете этого в финале «to seek» меняется на «to win», потому что читатель уже понимает у кого и почему золото отвоюют. Так, последняя строка «To win our harps and gold from him» («чтобы отбить наши арфы и золото у него»), закономерно завершает песню. Эту трансформацию переводчик частично передаёт. Однако логика теряется из-за того, что сначала в переводе гномы идут «за кладом старинным из сказочных стран», будто клад не принадлежит их народу, а в финале уже «чтоб золото наше отнять у врага», то есть теперь золото уже их. Также в переводе теряется важное определение «зачарованное» («enchanted») золото: оно действительно зачарованное для гномов — сводит их с ума. Пропуск оправдан тем, что такой длинный эпитет не поместился бы в ритм, однако никакой компенсации этой интересной детали нет. Образы в переводе упрощаются, параллелизм становится менее заметен.

Хотя сохранены размер и рифмовка, сами рифмы фонетически заменены. В оригинале рифмующиеся гласные периодически напоминают звукоподражание: в первой строфе явный ассонанс на «о» (cold-old-gold), звучащий более раскатисто, чем «а» в переводе. В начале это важно, ведь сразу пение гномов описано как «deep-throated», то есть глубокий, низкий звук. Во второй строфе рифма на «-ells» (spells-bells-fells) подражает звуку после удара молотом, который и описывается в этих строках; в русском варианте это теряется. Хотя самые заметные формальные черты сохраняются, фонетическая структура упрощается, вероятно, по невнимательности переводчицы (рифмы на «-ел» в русском языке возможны).

С сюжетной ролью песни — описанием предыстории и цели гномов — перевод справляется. История о нападении дракона не искажена, хотя общее настроение с довольно мрачного изменено на более сказочное: в оригинале периодически подчёркивается, что другие существа не бывали там, где жили гномы, и не контактировали с их культурой: «where no man delves/ there lay they long, and many song/ was sung unheard by men or elves» («куда не добирался ни один человек/ лежали их пути, и многие песни/ звучали неслышанными людьми и эльфами»). В переводе они «волшебники-гномы» — это неточное определение, потому что в оригинале они творили страшные заклятия, тогда как в русском языке «волшебник» — положительный персонаж. В переводе получается, что они весёлые ремесленники, а не скрытная цивилизация со своей культурой. Перевод теряет многие перекликающиеся детали. «Harps» (арфы) упоминаются в контексте искусства древнего народа в начале песни, а в финале как то, что хочет вернуть вместе с золотом компания. «Dragon-fire» упоминается до появления дракона как угрозы: «on crowns they hung/ the dragon-fire» («подвешивали к коронам/ пламя дракона»). В переводе же «пламя дракона» не появляется, хотя это важный элемент культуры гномов.

Таким образом, перевод Комаровой сохраняет главные формальные особенности и, что важно для детской книги, легко воспринимается. Однако он упрощает оригинал. В нём гораздо менее заметна фольклорность текста, его принципиальная особенность, но это осознанный приём: Толкин был не только лингвистом, но и глубоко изучал скандинавское и английское народное творчество, под которое фрагмент и стилизован. К сожалению, переводчик потерял многие особенности оригинального языка и лексики, трансформируя центральный образ. Этот перевод сейчас встречается почти во всех изданиях «Хоббита» и, хотя для детского восприятия он хорош, взрослому читателю было бы лучше воспользоваться подстрочником, чтобы точнее понять, какие сведения о своём мире автор даёт уже в самом начале.

Рецензия на переводы К.И. Чуковского и М.А. Зенкевича стихотворения "O Captain! My Captain!" Уолта Уитмена.

Полина Долженкова

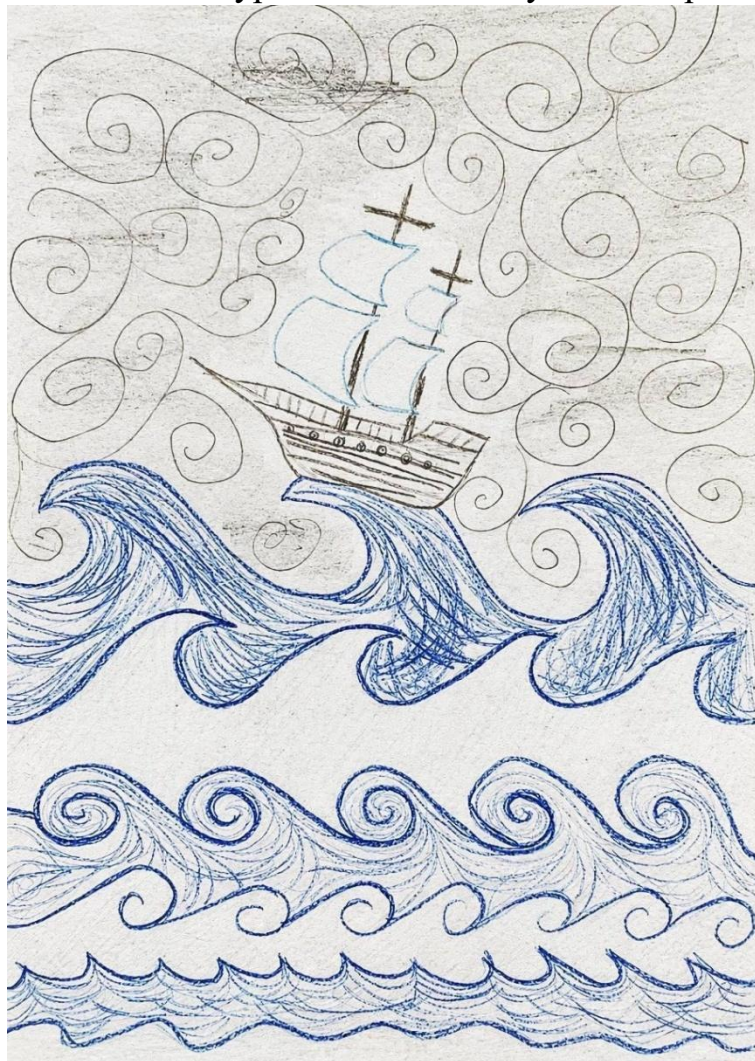
В апреле 1865 года победой Севера завершилась четырёхлетняя Гражданская война в США, сохранившая единство страны и положившая конец рабству. Однако долгожданный триумф обернулся трагедией: всего через несколько дней после капитуляции Юга 16-й президент США Авраам Линкольн был смертельно ранен в театре. В том же 1865 году в память о президенте Уолт Уитмен написал стихотворение «O Captain! My Captain!». Будучи новатором, утвердившим в американской поэзии свободный стих (без рифмы и счёта слогов), Уитмен здесь делает исключение: он выбирает традиционную строфику, четкий метр и рифму, чтобы придать тексту звучание торжественного, но в то же время траурного марша.

В основу произведения легла развернутая метафора: измученное войной государство предстаёт в образе корабля («the victor ship»), тяжёлые военные испытания названы опасным рейсом («our fearful trip is done»), а сам Линкольн показан как Капитан и одновременно отец («dear father!»), который довёл судно до гавани, но погиб в шаге от берега. Контраст между ликующим народом на суше и бездыханным телом на палубе создаёт эмоциональное напряжение текста. С художественной точки зрения задача переводчика здесь двояка: сохранить ритм траурного марша и при этом передать документальную точность оригинала. Сравнение версий русского варианта Михаила Зенкевича и Корнея Чуковского демонстрирует столкновение двух разных переводческих стратегий, каждая из которых по-своему расставляет смысловые акценты.

Разбирая ритм, важно понять, как переводчики передают главный приём Уитмена — резкую смену темпа. В оригинале широкие, волнообразные строки первой половины строфы («The port is near, the bells I hear, the people all exulting...») внезапно обрываются короткими возгласами («But O heart! heart! heart!»). Зенкевич переводит это ровно и размеренно: «Уж близок порт, я слышу звон, народ глядит, ликуя, / Как неуклонно наш корабль взрезает килем струи». Его ритм очень правильный и спокойный, но именно эта гладкость мешает почувствовать момент шока — короткие строки у него читаются по инерции так же легко, как и длинные. Чуковский, напротив, строит ритм на

звуковом нарастании. Используя внутреннее созвучие «И гавань ждёт, бурлит народ, колокола трезвонят, / И все глядят на твой фрегат, отчаянный и грозный!», он создаёт ощущение живого шума, в котором возглас «Капитан!» не кажется просто повтором, а подхватывается общим движением фразы. В итоге у Чуковского ритм работает на драматизм ситуации, тогда как у Зенкевича он скорее сглаживает остроту момента.

Различается и то, как мастера работают с предметным строем и метафорами оригинала. Корней Чуковский предлагает точное решение для строки, в которой говорится о цели похода «the prize we sought is won» («добыт приз, к которому мы стремились»), переводя её как «Изведен каждый ураган, и клад мы обрели». Слово «клад» сохраняет вещественную ценность завоёванного «приза» (спасения Союза и отмены рабства), за который заплачено жизнью. Кроме того, Чуковский удачно переводит «the vessel grim and daring» («судно суровое и смелое») как «отчаянный и грозный фрегат», напоминая о суровых военных буднях «корабля».

Михаил Зенкевич в этих же фрагментах смещает фокус в сторону абстракции: он заменяет образ завоёванного трофея отвлеченной формулировкой «Все бури выдержал корабль, увенчан славой он», а судно обозначает более нейтральным словом «корабль», тем самым подвиг теряет свою ценность.

Показательно, как переводчики выбирают разные приёмы для передачи деталей гибели. Описывая кровь на палубе («the bleeding drops of red»), Чуковский сохраняет строгую точность («Кровавою струей / Забрызгана та палуба»), тогда как Зенкевич пишет «Как кровь течёт ручьём». Вероятно, Зенкевич стремится усилить эмоции читателя, но правда

оригинала оборачивается преувеличением. Схожий сдвиг замечен в строке «My father does not feel my arm, he has no pulse nor will» («Мой отец не чувствует мою руку, у него нет ни пульса, ни воли»). Чуковский сохраняет безжизненность тела («Моей руки не чувствует, безмолвен и бессилён»).

Зенкевич же переводит это как «Не чувствует моей руки, угаснул в сердце пыл». Ради привычной напевности он заменяет физиологический факт метафорой, из-за чего вместо констатации реальной смерти возникает намёк на угасание чувств. Зенкевич последовательно смягчает физическую реальность смерти, тогда как Чуковский сохраняет её конкретность. С точки зрения задачи перевода — передать контраст между триумфом и личной утратой — стратегия Чуковского представляется более точной: именно телесные детали делают смерть Капитана ощутимой, а не риторической.

Особую роль играет повторяющаяся в конце строф строка «Fallen cold and dead» («Упал, холодный и мёртвый»). В оригинале она прямо называет смерть и подчёркивает её необратимость. Чуковский сохраняет эту прямооту: «Где пал ты неживой», а во второй строфе—«Холодный, неживой!». У Зенкевича строка звучит иначе: «Уснул последним сном». Вероятно, переводчик стремился избежать резких выражений и сделать финал более поэтичным, однако образ «сна» смягчает финал, поэтому смерть Капитана у Зенкевича воспринимается не так остро, как в оригинале.

Подводя итог, следует признать, что Михаил Зенкевич выполнил гармоничный перевод и адаптировал поэзию Уитмена под привычные каноны русской лирики, однако ради этой плавности пришлось пожертвовать звуковой насыщенностью и точным строем образов. Корней Чуковский выстроил работу иначе: он сохранил внутренние рифмы, осязаемость метафор и тональность финала. Благодаря этому перевод Чуковского гораздо точнее воссоздаёт ключевой для стихотворения контраст между триумфом толпы и болью личной утраты, что делает его работу более удачной и убедительной.

«И приступил к Небю
искуситель» (Мф, 4, 3)

Литературный отрывок из рассказа «Звезда Запада»

Перевела Мария Мартынова

Я стоял у окна в комнате Пуаро, лениво поглядывая вниз на улицу.

— Странно, — внезапно буркнул я себе под нос.

— Что именно, *mon ami*¹? — спокойно спросил Пуаро, развалившись в удобном кресле.

— Сделайте вывод из следующих фактов, Пуаро! У нас есть юная особа, чей наряд — модная шляпка и невероятные меха — выглядит довольно роскошно. Она неспешно прогуливается, оглядывая дома, мимо которых проходит. Ей неизвестно, что её преследуют трое мужчин и женщина средних лет. К ним присоединяется посыльный, который активно жестикулирует и указывает на девушку. Что за спектакль разыгрывается? Может девушка — мошенница, а преследователи — детективы, готовящиеся к её аресту? Или это они негодяи и замышляют нападение? Что скажет великий детектив?

— Великий детектив, *mon ami*, выбирает, как всегда, наипростейший способ. Он смотрит на ситуацию своими глазами, — и мой друг присоединился ко мне около окна.

Через минуту Пуаро издал короткий смешок.

— Вы неисправимый романтик, Гастингс. Это мисс Мэри Марвелл — кинозвезда. Её преследует стая обожателей, которые её узнали. И, *en passant*², мой дорогой Гастингс, она очень даже осведомлена об этом факте!

Я рассмеялся.

— Так вот как! Но это абсолютно не ваша заслуга, Пуаро. Вы просто её узнали и всё.

— *En vérité*³! Так сколько же раз вам приходилось видеть Мэри Марвелл на экране, *mon cher*⁴?

Я задумался.

— Примерно... дюжину раз.

— А мне лишь однажды. Однако я узнал её, а вы нет!

— Сейчас она выглядит совсем по-другому, — тихо возразил я.

¹ мой друг (фр.)

² между прочим (фр.)

³ Воистину, действительно (фр.)

⁴ мой дорогой (фр.)

— А, sacré¹!—воскликнул Пуаро. — Вы ожидали, что она будет разгуливать по улицам Лондона в ковбойской шляпе, босиком и с кудрями, как у ирландок? Хватит забивать себе голову всякой ерундой! Вспомните дело той танцовщицы, Валери Сент-Клэр².

Я с некоторой досадой пожал плечами.

— Успокойтесь, mon ami,—сказал Пуаро, немного остыв. — Не всем же быть Эркюлями Пуаро! Уж я-то это прекрасно понимаю.

— Вы действительно самый высокомерный человек из всех, кого я знаю, — выкрикнул я, не зная, смеяться мне или злиться.

— А что же вы хотите? Когда человек уникален, он это прекрасно знает сам! И другие разделяют это мнение. Даже, если я не ошибаюсь, Мэри Марвелл.

— Что?

— Без сомнений. Она идёт сюда.

— Как вы это поняли?

— Очень просто. Эта улица не для аристократов, мой друг! Здесь нет ни модного доктора, ни престижного стоматолога — ни тем более светской модистки! Но здесь есть один востребованный детектив. Oui³, мой друг, это правда — я стал модой, её последним писком. Один говорит другому: «Comment⁴? Ваш золотой пенал потерян? Вы обязаны пойти к маленькому бельгийцу. Он изумителен! Все к нему ходят! Courez⁵!» И они приходят! Толпами, mon ami! С такими глупыми проблемами!

Снизу донёсся звонок.

— Что я вам говорил? Это мисс Марвелл.

К моей досаде Пуаро, как обычно, был прав. Спустя несколько минут американскую кинозвезду привели в наш кабинет, и мы встали, чтобы поприветствовать её.

Мэри Марвелл, несомненно, была одной из самых популярных актрис кино. Она только недавно прибыла в Англию со своим мужем Грегори Б. Рольфом, тоже кинозвездой. Они поженились около года назад в Штатах и впервые прибыли за океан. Принимали их очень тепло. Все были в восторге от Мэри Марвелл, её невероятных мехов, украшений и, прежде всего, одного драгоценного камня — крупного алмаза, который был назван в честь его владелицы «Звездой Запада». Много правдивого и не очень писали об этом знаменитом сокровище, которое, как сообщалось, застраховали на огромную сумму в пятьдесят тысяч фунтов.

Все эти детали проносились у меня в голове, когда мы с Пуаро приветствовали нашу прекрасную клиентку.

¹ тьфу, черт (фр.)

² Персонаж из рассказа Агаты Кристи «Король Треф»

³ да (фр.)

⁴ как (фр.)

⁵ бегите (фр.)

Мисс Марвелл была невысокой стройной блондинкой с голубыми глазами, из-за которых она смахивала на ребёнка. Пуаро подвинул для неё стул, и она тут же заговорила:

— Возможно, вы подумаете, что я очень глупа, месье Пуаро. Но прошлой ночью лорд Кроншоу рассказывал, как замечательно вы раскрыли тайну смерти его племянника, и я почувствовала, что обязана обратиться к вам за советом. Возможно, это всего лишь дурацкая шутка — Грегори говорит именно так, — однако меня это всё равно до смерти волнует.

Она остановилась, чтобы перевести дух. Пуаро ободряюще улыбнулся.

— Продолжайте, мадам. Я всё ещё ничего не понимаю.

— Проблема в этих письмах, — мисс Марвелл раскрыла сумку, достала оттуда три конверта и протянула их детективу.

Он, в свою очередь, тщательно их рассмотрел.

— Дешёвая бумага... имя и адрес аккуратно напечатаны. Давайте посмотрим, что написано внутри, — Пуаро вытащил содержимое.

Я подошёл к нему и склонился над его плечом. Письмо состояло из единственного предложения, напечатанного так же чётко, как и на конверте:

«Крупный алмаз, покинувший левый глаз Бога, должен вернуться туда, откуда его взяли»

Второе письмо было выдержано в том же духе, однако третье оказалось ещё откровеннее:

«Вас предупреждали, но вы не послушались. Теперь у вас заберут камень. В полнолуние два алмаза, два глаза бога, вернутся на место. Так предрешено».

— К первому письму я отнеслась как к шутке, — объяснила мисс Марвелл. — Но когда я получила второе, то начала задаваться вопросами. Третье пришло вчера, и стало ясно, что, в конце концов, дело серьёзнее, чем я представляла.

— Как я вижу, эти письма пришли не по почте.

— Нет, нам их передал какой-то китаец. Это-то меня и пугает!

— Почему же?

— Потому что три года назад в Сан-Франциско Грегори купил камень у такого же китаёзы!

— Я понимаю, мадам. Вы считаете, что упомянутый бриллиант является...

— Звездой Запада, — закончила за него мисс Марвелл. — Это так. Грегори помнит, что там была какая-то история, связанная с этим камнем, но этот китаец не дал нам ничего разузнать! Грегори упоминал, что он выглядел испуганным до смерти и ужасно спешил избавиться от драгоценности. Запросил лишь десятую часть его стоимости. Грег подарил мне этот бриллиант на свадьбу...

Пуаро задумчиво кивнул.

— История похожа на романтическую легенду. Но... кто знает? Гастингс, прошу вас, подайте мне мой календарик.

Я повиновался.

— *Voions¹!*, — сказал Пуаро, переворачивая страницы. — Когда будет полнолуние? А, точно, в следующую пятницу. Это уже через три дня. *Eh bien²*, мадам, вы хотели моего совета — я вам его дам. Эта *belle histoire³* может быть розыгрышем — а может и не быть. Поэтому советую вам оставить алмаз у меня до следующей пятницы. Так мы сможем предпринять любые шаги, которые только пожелаем.

Лёгкая тень пробежала по лицу актрисы, и она сдержанно ответила:

— Я боюсь, это невозможно.

— Он же у вас сейчас с собой, да? — Пуаро с прищуром посмотрел на мисс Марвелл.

Немного замаявшись, она всё-таки скользнула рукой в вырез платья и достала длинную тонкую цепочку. Мэри подалась вперёд, раскрывая руку.

На её ладони лежал камень цвета белого огня, искусно оправленный в платину, и торжественно сверкал.

¹ посмотрим (*фр.*)

² что ж (*фр.*)

³ прекрасная история (*фр.*)

Кенрин Брауэр «Все, о чем я говорю с друзьями...»

Перевела Алиса Поленович

Все, о чем я говорю с друзьями,
это о том, чтобы избавиться от телефонов —
несбыточная мечта,
господствующая в разговоре за ужином.

Наши телефоны в центре

Стола

Как свечи
Как алтари
Как маленькие боги,
Которых мы пытаемся не почитать.

Мы разговариваем о том, чтобы бросить,
как курильщики —

«На следующей неделе»
«После этой поездки»
«Когда я найду любовь всей своей жизни
на сайте знакомств»

Мы обещаем друг другу,
как люди говорят
о том, чтобы сохранить плохие отношения,
пока сами оставляют зубную щетку
наготове на умывальнике.

Мы мечтаем о раскладушках —

раковины другой жизни
украшенные блестками и камешками и
маленькими побрякушками;
пиксели достаточно размытые,
чтобы простить наши юношеские прыщи
и мелодии звонка, купленные
смс-ками MTV
Единственной, кто нам звонил
была наша мама
она нам говорила
идти домой.
ужин был на столе
не было никакого алгоритма,
чтобы вогнать нас в рамки
никто не говорил:
ты позади
ты неправильно режешь лук
тебе срочно нужно купить эту вещь (и эту,
и эту, и эту...)
ты рэт герл Джоан Дидион герл софт
герл клин герл айфон фейс никогда не достаточная герл.
Мы говорим: давайте в поход
просто мы
и карта
и может нож
на всякий случай
(но что если мы потеряемся
что если кто-то умрет
что если я увижу что-то

прекрасное?)

Мы удаляем тик-ток но
никогда не одновременно
так, что кто-то всегда
не понимает
шутку

Мы говорим:
мы не можем встретить мир
без экрана
склеенного с руками —
это второе «я» которое мы опекаем

как ранка, нанесенная сама себе.

Может мы и правы

может мы уже потеряны

может эта вещь

знает как быть нами

лучше, чем мы

Где то там,

есть моя копия

она сделала шаг

она знает созвездия

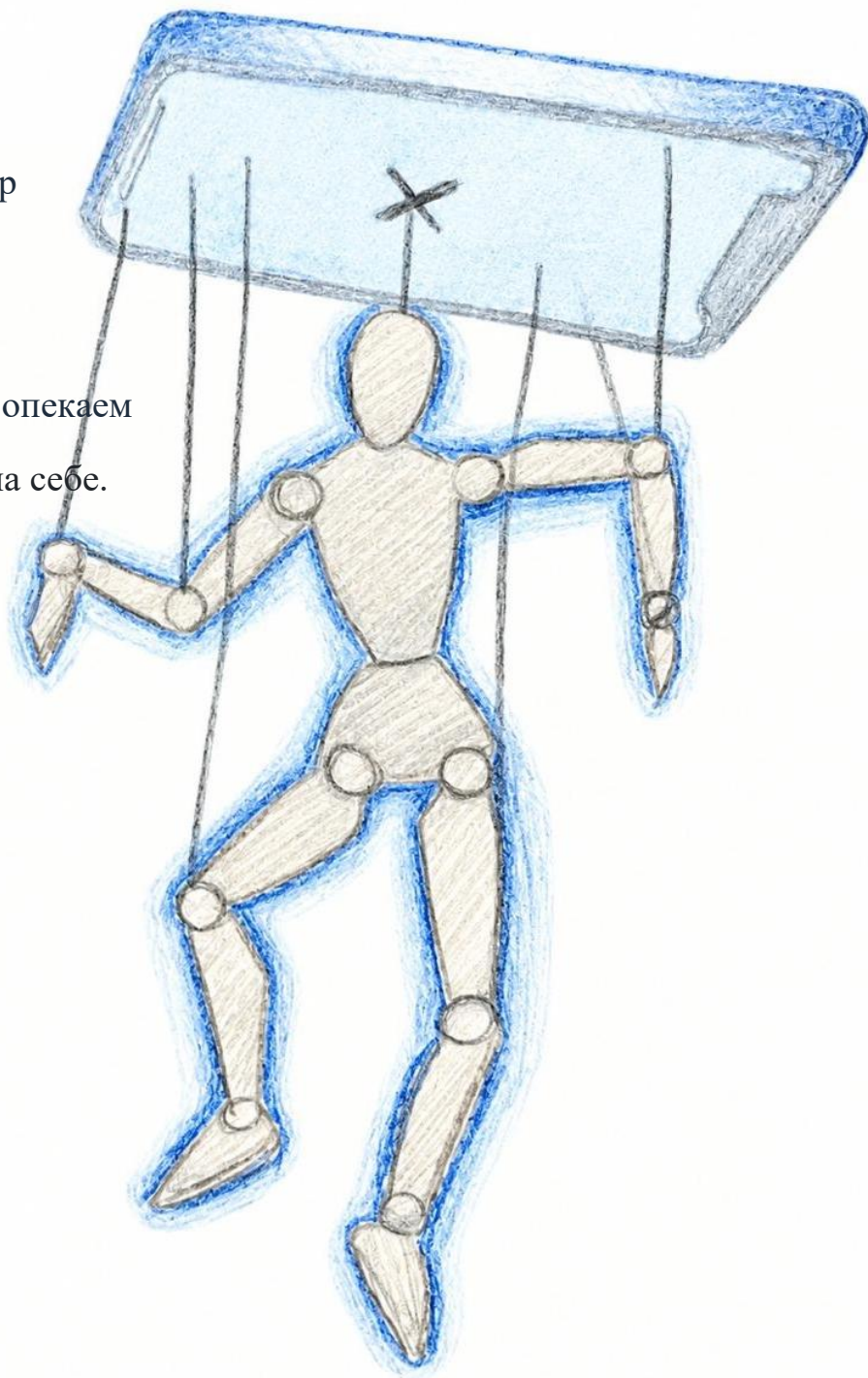
по именам

у нее мягкий взгляд

ведь она смотрит

в даль

я размышляю: во что она одета?

я размышляю: какие у нее хобби?
и как она находит правильный путь

я размышляю

бывает ли ей скучно?

она опаздывает?
а бывает ей одиноко?
без сияния
чтобы держать ее.

И я ненавижу —

ненавижу
эту привязь
этого стеклянного призрака
вещь, которой слишком много
чтобы понять

Я устала и
у моих окон в мир
нет штор

Хочу закрыть глаза
Хочу стать очень
очень
очень
маленькой.

Рояль Дядя «Человек с шелковой зонтой»

Перевела Мария Левочкина

Я хочу рассказать вам забавную историю, которая произошла со мной и мамой. Мне двенадцать лет. Маме тридцать четыре, а я уже почти такая же высокая, как она.

Вчера вечером мы отправились в Лондон на приём к дантисту. Он вылечил кариес на моём заднем зубе, даже не причинив мне особой боли. После этого мы зашли в кафе, где я заказала банановый пудинг, а мама — чашку кофе. Когда мы собрались уходить, было шесть часов вечера.

Стоило нам выйти на улицу, как полил дождь.

— Нужно поймать такси, — сказала мама. Дождь припустил не на шутку, и наши пальто и шляпки быстро промокли.

— Почему бы нам не вернуться в кафе и не подождать, пока дождь закончится? — спросила я. Мне очень хотелось съесть ещё этого замечательного бананового пудинга.

— Дождь закончится ещё не скоро, — произнесла мама, — а нам пора домой.

Мы стояли на тротуаре под дождём, высматривая такси. Многие из них проезжали мимо уже с пассажирами.

— Мне бы очень хотелось иметь машину с личным водителем, — вздохнула мама.

Как только она это сказала, рядом с нами появился незнакомец. Это был низкий старичок лет семидесяти или больше. Он вежливо снял перед нами шляпу и сказал маме: «Извините, я надеюсь, что не помешаю вам». На его морщинистом покрасневшем лице были элегантные седые усы и густые брови. У незнакомца был зонт, который он держал высоко над головой.

— Что вам нужно? — спросила мама холодно и отстранённо.

— Я лишь хочу попросить вас об одолжении, — сказал он, — совсем небольшом одолжении, если вас не затруднит.

Я видела, что мама смотрит на него с подозрением — такой уж она человек. Но особенно недоверчива она к двум вещам: незнакомцам и варёным яйцам. Если дело доходит до варёных яиц, она отрезает им верхушки и ковыряет ложкой внутри, словно оттуда вот-вот выскочит мышь. С незнакомцами у неё было одно золотое правило: «Чем приятнее человек

кажется на первый взгляд, тем подозрительнее ты должен к нему относиться». Этот старичок был особенно любезен и вежлив. Он говорил складно и был хорошо одет. Все в нём выдавало настоящего джентльмена. Но больше всего внимания я обратила на его обувь. «Ты всегда можешь определить, джентльмен перед тобой или нет, посмотрев на его туфли» — одна из любимых маминых фраз. А туфли у незнакомца были красивые, коричневые и в прекрасном состоянии.

— Я попал в небольшую передрагу, и мне нужна помощь, — сказал он. — Уверю вас, ничего серьёзного, но это очень важно для меня. Вы же знаете, мадам, старики часто бывают страшно забывчивы...

Мама вздёрнула подбородок и посмотрела на него сверху вниз. Страшное дело — этот её ледяной взгляд. Большинство людей терялись под таким взглядом. Однажды я даже видела, как моя директриса начала заикаться, притворно и глупо улыбаясь, когда мама так на неё взглянула. Однако старичок с зонтиком над головой даже бровью не повёл. Он вежливо улыбнулся и продолжил:

— Прошу вас, поверьте мне, мадам, обычно я не останавливаю молодых леди посреди улицы с рассказами о своих проблемах.

— Надеюсь, что нет, — произнесла мама.

Я чувствовала себя немного неловко из-за маминой резкости. Хотелось сказать ей: «Мамочка, ради бога, он же всего лишь старый добрый старичок, который попал в беду, поэтому не будь, пожалуйста, с ним так сурова». — Но я стояла молча.

Незнакомец переложил зонт из одной руки в другую.

— Я никогда не забывал его раньше, — сказал он.

— Не забывали что? — резко спросила мама.

— Мой кошелёк, — печально произнёс старичок, — должно быть, я оставил его в другом пальто. Ну не глупо ли?

— Вы просите меня дать вам деньги?

— Ах, боже мой, нет! — воскликнул он. — Бог свидетель, я бы не просил о таком!

— Тогда чего вы хотите? Только быстрее. Мы уже промокли до нитки.

— Именно поэтому я предлагаю вам свой зонт, который защитит вас от дождя. Если бы только...

— Если бы только что? — поинтересовалась мама.

— Если бы вы только дали мне за него всего лишь один фунт, чтобы заплатить за проезд домой.

Мама все еще выглядела подозрительно к этому человеку.

— Если у вас изначально не было денег на проезд, как же вы добрались сюда? — спросила она.

— Я пришел сюда пешком, — ответил он. — Каждый день я выхожу на долгую прогулку, а потом ловлю такси, чтобы добраться домой.

— Почему же вы не пойдёте пешком сейчас?

— Ох, я бы очень хотел, — сказал он. — Я правда бы очень хотел, но не думаю, что справлюсь с этим на своих слабых ногах. Я уже забрёл слишком далеко.

Мама стояла, закусив нижнюю губу. Я чувствовала, что она в замешательстве, а идея спрятаться от дождя под зонтом ей очень нравилась.

— Это прекрасный зонт, — сказал маленький старичок.

— Да, я заметила, — ответила мама.

— Это настоящий шёлк.

— Я вижу.

— Тогда почему вы не хотите взять его, мадам? — спросил он. — Он стоил целых двадцать фунтов, уверяю вас. Но теперь мне это уже неважно, сейчас самое главное — добраться домой и дать отдохнуть своим старым ногам.

Я увидела, что рука мамы нащупывает застёжку своего кошелька. Она заметила, что я смотрю на неё. На этот раз я ответила ей своим собственным ледяным взглядом. Она знала, что я хотела ей сказать: «Слушай, мамочка, нельзя же так мучить бедного старика. Это гадко!». Мама остановилась и ещё раз посмотрела на меня. Затем она сказала старичку:

— Не думаю, что это достаточно честно — взять у вас шёлковый зонт стоимостью двадцать фунтов. Будет лучше, если я дам вам деньги на дорогу домой, и делу конец.

— Об этом не может быть и речи! — воскликнул он. — Это больше, чем я мог бы просить! Я бы никогда не принял деньги от вас таким образом! Ни за что на свете! Возьмите зонт, милая леди, и пусть ни одна капля дождя не упадёт на ваши плечи!

Мама кинула на меня торжествующий взгляд через плечо. «Вот видишь, ты была не права. Он просто хочет, чтобы зонт достался мне» — говорил этот взгляд.

Она порылась в своём кошельке и, достав оттуда фунтовую банкноту, вручила её старичку. Он взял деньги и отдал ей зонт. Сунул фунт в карман, приподнял свою шляпу, коротко поклонился и произнёс:

— Спасибо, мадам, сердечно вас благодарю. — И ушёл.

— Заходи под зонтик, милая, не мокни под дождём, — сказала мама. — Как нам повезло! У меня никогда раньше не было шёлкового зонта. Я бы в жизни не смогла позволить его себе.

— Почему ты была с ним так груба вначале? — спросила я.

— Я хотела убедиться, что он не мошенник. Я убедилась. Он был джентльменом, и я рада, что смогла помочь ему.

— Конечно, мамочка.

— Настоящий джентльмен, — продолжала она. — И весьма состоятельный, если учесть, что у него был такой зонт. Я бы даже не удивилась, если бы он был титулованной особой — кем-то вроде герцога Йоркского.

— Да, мамочка.

— Еще это будет хорошим уроком для тебя, — сказала она. — Никогда не торопи события. Всегда дай себе время хорошенько подумать. Тогда ты никогда не совершишь ошибки.

— Мама, смотри, вот он идёт!

— Что? Где?

— Прямо здесь. Он переходит улицу. Боже мой, мамочка, куда он так спешит?

Мы наблюдали, как этот маленький человек ловко сновал между машинами. Он шёл очень быстро и, достигнув другой стороны улицы, повернул налево.

— По-моему, он не выглядит слишком усталым. Как тебе кажется, мамочка?

Но мама не отвечала.

— Он даже не выглядит так, будто хочет вызвать такси, — сказала я.

Моя мама стояла тихо и неподвижно, устремив взгляд на старичка, спешившего куда-то. Сейчас мы разглядели его лучше. Он бодро шагал по тротуару, в спешке уворачиваясь от прохожих и размахивая руками, как солдат на марше.

— Он что-то затевает, — сказала мама с каменным лицом.

— Но что?

— Не знаю, — отрезала она, — но я это выясню. Пойдём со мной.

Мама схватила меня за руку, и мы пошли вместе вдоль улицы. Затем повернули налево.

— Ты видишь его? — спросила мама.

— Да, он здесь. Сейчас сворачивает вниз на следующую улицу.

Мы добрались до угла и свернули за ним направо. Старичок был в двадцати шагах от нас. Он метался в толпе, словно кролик, и мы должны были идти очень быстро, чтобы не потерять его из виду. Дождь усилился, и я видела, как капли сбегаят с полей шляпы прямо ему на плечи. А нам было сухо и уютно под его большим шелковым зонтиком.

— Что он замышляет? — спросила мама.

— Что, если он обернётся и увидит нас? — задала я вопрос в ответ.

— Об этом я не беспокоюсь. Он соврал нам. Он сказал, что был слишком уставшим, чтобы идти дальше, а сейчас заставил нас бегать за ним! Бессовестный лгун! Мошенник!

— Ты имеешь в виду, что он всё-таки не герцог? — спросила я.

— Говори тише, — ответила мама.

На следующем перекрёстке старичок повернул снова. Опять направо, а потом снова налево.

— Нет уж, теперь я не отступлю, — сказала мама.

— Он пропал! — захныкала я. — Куда он делся?

— Он зашёл в эту дверь! — воскликнула мама. — Я видела его! В это здание! Боже мой, это же паб!

На вывеске паба крупными буквами было написано: «КРАСНЫЙ ЛЕВ».

— А мы не собираемся зайти внутрь, мамочка?

— Нет, — ответила она. — Мы будем наблюдать снаружи.

Вдоль всего фасада шло большое витринное стекло, и хоть изнутри оно слегка запотело, стоило подойти поближе — и всё стало прекрасно видно.

Мы стояли, съёжившись, у витрины. Я вцепилась в мамину руку. Крупные капли дождя громко барабанили по нашему зонту.

— Вон он! — воскликнула я. — Вон там!

Помещение, в которое мы заглядывали, было полно людей и сигаретного дыма. И тот самый маленький старичок находился в его центре. Сейчас он без шляпы и пальто пробирался сквозь толпу. Добравшись до стойки с напитками, он облокотился на неё и заговорил с барменом. Я видела, как его губы шевелятся, когда он заказывал что-то. Бармен отвернулся от него на мгновение и вернулся с небольшим стаканом, до краёв наполненным светло-коричневой жидкостью. Старичок положил фунтовую банкноту на стойку.

— Это моя банкнота! — прошипела мама. — Вот нахал! Какая наглость!

— Что в его стакане? — спросила я.

— Виски, — ответила мама. — Чистый виски.

Бармен не дал ему сдачи с фунта.

— Должно быть, это тройной виски.

— Что значит тройной? — любопытствовала я.

— Тройная порция.

Старичок взял в руки стакан и поднёс его к губам. Он слегка наклонил его. Потом наклонил сильнее...и сильнее...и сильнее. Вскоре весь виски исчез у него в горле.

— Дороговатый напиток, — произнесла я.

— Это просто нелепо! — воскликнула мама. — Подумать только: целый фунт за то, что ты проглатываешь за один глоток.

— Но тот шёлковый зонтик, который он дал нам, стоил гораздо больше одного фунта.

— Так и есть, — недоуменно сказала мама. — Он, должно быть, сумасшедший.

Старичок стоял у стойки бара с пустым стаканом в руке. Он теперь улыбался, и по его круглому покрасневшемуся лицу расплывалось удовольствие. Я увидела, как он высунул язык, чтобы облизать свои седые усы, словно отыскивая последнюю каплю драгоценного виски.

Медленно он отвернулся от стойки и стал пробираться сквозь толпу туда, где висели его пальто и шляпа. Надел шляпу. Надел пальто. Затем с видом настолько невозмутимым и непринужденным, что едва можно было что-то заподозрить, снял с вешалки один из мокрых зонтиков, висевших там, и забрал его с собой.

— Ты это видела?! — вскрикнула мама. — Ты видела, что он сделал?!

— Тише, мама, — прошептала я. — Он выходит.

Мы опустили зонт, чтобы скрыть наши лица.

Он вышел на улицу, даже не глядя в нашу сторону. Раскрыл над головой новый зонт и засеменил прочь по дороге туда, откуда пришёл.

— Так вот что за игру он ведёт! — воскликнула мама.

— Ловко, — сказала я. — Хорошо сыграно.

Мы последовали за ним обратно на главную улицу, где впервые его встретили, и увидели, как он без малейшего труда осуществил свою аферу снова — отдал свой зонт за очередную фунтовую банкноту. В этот раз его жертвой стал высокий худощавый человек, у которого не было ни пальто, ни шляпы. И как только сделка была совершена, старичок затрусил по улице и затерялся в толпе. Но на этот раз он пошёл в противоположную сторону.

— Ишь, какой умный! — сказала мама. — Он никогда не заходит в один и тот же паб дважды.

— Он мог бы проворачивать такое всю ночь, — ответила я.

— Да, скорее всего, — с досадой произнесла мама. — Я готова поспорить, что он молится не переставая, чтобы дожди шли чаще.

Андре Жоруж «Рождение знаменитости»

Перевела Дарья Борисова

Художник Пьер Душ заканчивал натюрморт с цветами в аптечном горшке и баклажанами на блюде, когда писатель Поль Эмиль Глэз вошел в мастерскую. Глэз несколько минут смотрел на то, как работает его друг, а потом громко сказал:

— Нет.

Другой удивлённо поднял голову, прекратил выписывать баклажан.

— Нет! — повторил Глэз. — Так ты далеко не уедешь. Ты — мастер своего дела, у тебя есть талант, ты честен. Но твоя картина — это пресно, мой друг. Она не плещет эмоциями, не кричит. На выставке может быть пять тысяч картин, но ни один посетитель не остановится перед твоей... Нет, Пьер Душ, ты никогда не добьёшься успеха. И это печально.

— Почему? — искренне вздохнул Душ. — Я делаю то, что вижу: пытаюсь выразить то, что чувствую.

— Речь идёт именно об этом, мой бедный друг. У тебя есть жена, дружище, и трое детей. Каждому из них нужно три тысячи калорий в день. Картин больше, чем покупателей, а глупцов больше, чем знатоков. Итак, что нужно делать, чтобы выйти из толпы неизвестных и неудачников?

— Работать, — сказал Пьер Душ, — и быть искренним.

— Ну, будь немного серьезнее. Единственный способ разбудить дураков, Пьер Душ — это сделать что-то из ряда вон. Объяви, что собираешься рисовать на Северном полюсе. Прогуляйся, нарядившись в костюм фараона. Создай собственную школу. Смешай в кучу умные слова: экстериоризация, динамизм, подсознательный, нефигуративный и составь манифесты. Отрицай движение или покой; день или ночь; круглые или квадратные формы. Открой неогомерическое течение, которое признаёт лишь красный и жёлтый, стань родоначальником цилиндрической живописи, октаэдрических картин, картин в четырёх измерениях...

В тот момент странный и нежный запах духов объявил о приходе мадам Косневской.

Это была красивая полячка, чьими фиалковыми глазами восхищался Пьер Душ. Подписанная на дорогие журналы, которые за огромные деньги печатали шедевры художников, похожие на рисунки трёхлетних детей, она не могла там найти имени честного Душа и презирала его живопись. Улегшись на диван, она посмотрела на незаконченное полотно, тряхнула светлыми волосами и улыбнулась с оттенком досады.

— Я была вчера на экспозиции негритянского искусства из старых добрых времён, — сказала она со своим раскатистым, певучим акцентом. — Ах! Эта чувственность, форма, сила!

Художник взял, чтобы ей показать, портрет, которым он был доволен.
— Мило, — сказала она шёпотом.

Потом — расстроенная, раскатистая, певучая, надушенная — она исчезла.

Пьер Душ бросил свою палитру в угол и рухнул на диван:

— Я собираюсь, — сказал он, — сделаться страховым инспектором, банковским служащим, полицейским. Жи-во-пись — это последняя из профессий. Опираясь на успех среди толпы зевак, становишься простым ремесленником. Вместо того чтобы уважать мастеров, критики поощряют варваров. С меня хватит, я сдаюсь.

Поль-Эмиль, выслушав, закурил и надолго задумался.

— Ты чувствуешь себя способным, — наконец сказал он, — чтобы торжественно объявить Косневской и некоторым другим, что уже десять лет ведёшь подготовку новой манеры живописи?

— Я?

— Слушай... Я расскажу нашей «элите» в нескольких заметках на видных местах в газетах, что ты основываешь идеоаналитическую школу. Вплоть до тебя, портретисты, из своего невежества, изучали лицо человека. Чепуха! Нет, то, что по-настоящему показывает человека — это идеи, которые всплывают в нашей памяти. Например, портрет полковника — это сине-золотой фон, который пересекают пять огромных галунов¹, лошадь в одном углу, кресты в другом. Портрет промышленника — это заводская труба и сжатый кулак на столе. Понимаешь, Пьер Душ, что ты привносишь в мир и можешь ли ты написать для меня за один месяц двадцать идеоаналитических портретов?

Художник печально улыбнулся.

— Через час, — сказал он, — и что печально, Глэз, так это то, что, будь я другим человеком, это могло бы иметь успех.

— Давай попробуем.

— Мне недостаёт наглости.

— Так, дружище, тем, кто хочет объяснения, ты, подумав и закулив трубку, пускаешь дым в лицо задающему вопрос и говоришь эти простые слова: «Вы когда-нибудь видели, как течёт река?».

— И что это объясняет?

— Ничего, — сказал Глэз, — таким образом они тебя сочтут выдающимся интеллектуалом, и, когда они тебя поймут, объяснят твой стиль, мы, преисполнившись, откроем глаза всем на нашу авантюру и насладимся их конфузом.

Два месяца спустя авторская выставка Пьера Душа завершилась триумфом. Певучая, раскатистая, надушенная, прекрасная мадам Косневская больше не покидала своего свежееиспечённого гения.

¹ Галун — узкая плотная тесьма или лента, шитая золотом, серебром или из металлизированных нитей, которая нашивается на форменную одежду для обозначения чина или звания.

— Ах! — повторила она. — Какая чувственность! Форма! Сила! И как, мой дорогой, вы пришли к этим удивительным приёмам?

Художник подумал, закурил трубку, пустил клуб дыма и сказал: «Вы когда-нибудь видели, как течёт река?»

Губы красной полячки взволнованно выражали раскатистое и поющее счастье.

В пальто с кроличьим воротником, молодой и светящийся Струнский обсуждал что-то в середине группы:

— Очень сильно, — говорил он, — очень сильно! Но, скажи мне, Душ, откуда это откровение? Откуда оно взялось? Из моих статей?

Пьер Душ подумал, триумфально пустил собеседнику дым в нос и сказал: «Вы когда-нибудь видели, как течёт река?»

— Восхитительно, — согласился его собеседник, — восхитительно!

В этот момент знаменитый торговец картинами, обойдя весь вернисаж, взял художника под руку и отвёл в угол.

— Душ, друг мой, — сказал он, — вы смекалисты. Можно выпустить это на рынок. Отложите мне вашу продукцию. Не меняйте манеру, пока я вам не скажу, и я буду покупать у вас пятьдесят картин в год... Идёт?

Душ тайно закурив, не удосужившись ответить.

Мастерская потихоньку опустела. Поль-Эмиль Глэз пошел закрыть дверь за последним посетителем. На лестнице слышался удаляющийся торжественный шёпот. Оставшись наедине с художником, писатель весело сунул руки в карманы.

— Итак! Дружище, — сказал он, — как же мы их провели! Ты слышал того парня с кроличьим воротником? А прекрасную полячку? А трёх симпатичных девушек, которые повторяли: «Так ново! Так ново!» Ах, Пьер Душ, я думал, что человеческая глупость бездонна, но она превосходит мои ожидания.

Его охватил приступ неудержимого смеха. Художник нахмурил брови и, поскольку хохот сотрясал его друга, резко сказал ему:

— Идиот!

— Идиот?! — яростно вскрикнул писатель. — Да я только что провернул самый лучший розыгрыш со времен Биксиу¹...

Художник с гордостью окинул взглядом двадцать идеоаналитических портретов и уверенно произнес:

— Да, Глэз, ты — идиот. В этой живописи что-то есть...

Писатель недоумённо посмотрел на своего друга.

— Ну ты даёшь, — завопил он. — Душ, вспомни. Кто подсказал тебе эту новую манеру?

Тогда Пьер Душ выдержал паузу, затянулся из своей трубки и, выпустив огромный клуб дыма, сказал:

— Ты когда-нибудь видел, как течёт река?

¹ Жан-Жак Биксиу — персонаж из цикла романов «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака. В произведениях Бальзака Биксиу — это остроумный, циничный парижский карикатурист, чиновник и мастер розыгрышей, который знает изнанку парижского общества, сплетни и финансовые интриги.

Вирджиния Вулф «ОЩЕЩЕ»

Перевела Мария Головачева

ВОТ КАК ВСЁ НАЧАЛОСЬ. Нас было шесть или семь; мы уже выпили чаю. Кто-то разглядывал на противоположной улице ярко освещённые витрины шляпного магазина, где в лучах света пламенели алые перья и поблёскивали золотые туфли. Остальные от нечего делать строили башенки из сахара на краю чайного подноса. Спустя некоторое время, насколько я помню, мы расселись у камина и, как обычно, принялись восхвалять мужчин — какие они сильные, какие благородные, какие блистательные, какие отважные, какие прекрасные; как мы завидуем тем, кому тем или иным способом удалось заполучить себе спутника на всю жизнь. И вдруг Полл, которая до этого молчала, расплакалась. Должна сказать, Полл всегда была чудаковатой. Начнем с того, что её отец был человеком со странностями. В завещании он оставил ей целое состояние, но с условием, что она прочтёт все книги в Лондонской библиотеке. Мы утешали её, как только могли, но в глубине души понимали, насколько были тщетны наши попытки. При всей нашей любви к ней нельзя сказать, что Полл — красавица; она вечно ходила с развязанными шнурками и, должно быть, думала, пока мы превозносили мужчин, что никто из них никогда не изъявит желания взять её замуж. Наконец девушка вытерла слёзы. Какое-то время мы вообще не могли разобрать, что она говорит. А говорила она вещи, по совести говоря, весьма странные. Она рассказала, что, как нам было известно, проводила большую часть времени в Лондонской библиотеке за чтением. Начала она, по её словам, с английской литературы на самом верхнем этаже и теперь уверенно продвигалась вниз, к газете Times. И вот на полпути — а, может, только на четверти — случилось нечто ужасное: она больше не могла читать. Книги оказались совсем не такими, какими мы их считали.

— Книги, — вскричала она, вскочив на ноги и заговорив с такой беспросветной тоской, какую я никогда не забуду, — в большинстве своем невыразимо плохи!

Конечно, мы принялись возражать, что книги писали и Шекспир, и Мильтон, и Шелли.

— О, да, — она прервала нас. — Я вижу, вас хорошо учили. Но вы не записаны в Лондонскую библиотеку.

И она снова разрыдалась. Наконец, немного успокоившись, она открыла одну книгу из стопки, которую постоянно носила с собой. «Из окна» или «В саду», или как-то так она называлась... А написал её некий мужчина по имени

Бентон, или Хенсон, или как-то в этом роде. Она прочла первые страницы. Мы слушали в полной тишине.

— Но это не книга, — сказал кто-то.

Тогда она выбрала другую. На этот раз это была историческая книга, но я забыла имя автора. Наша тревога усиливалась по мере того, как она продолжала читать. Ни одно слово в произведении не казалось правдивым, а стиль, которым оно было написано, был просто отвратителен.

— Поэзию! Поэзию! — восклицали мы с нетерпением. — Прочти нам поэзию!

Я не смогу объяснить ту пустоту, которая охватила нас, когда она открыла книжку и принялась декламировать содержащуюся в ней многословную сентиментальную чушь.

— Должно быть, это написала женщина, — предположила одна из нас.

Но нет. Полл сказала, что это написал молодой человек, который был одним из самых известных современных поэтов. Я позволю вам самим представить шок, который мы испытали от этого открытия. Невзирая на наши слезы и мольбы больше не читать это, она упорствовала и всё декламировала нам отрывки из «Жизней лорд-канцлеров». Когда она закончила, Джейн, самая старшая и рассудительная из нас, поднялась со своего места и заявила, что лично она этими доводами не убеждена.

— И ради чего, — спросила она, — наши матери тратили свою молодость на то, чтобы произвести мужчин на свет, если они пишут такую чушь?

Мы все замолчали, и в этой тишине было слышно, как бедняжка Полл всхлипывает:

— Зачем, зачем мой отец научил меня читать?

Клоринда первой пришла в себя.

— Это всё наша вина, — сказала она, — Мы все умеем читать. Но никто, кроме Полл, не взялся за книги. Я, например, считала само собой разумеющимся, что обязанность женщины — потратить молодость на рождение детей. Я боготворила свою мать за то, что она родила десятерых, а ещё больше свою бабушку, которая родила пятнадцать; признаюсь, моей собственной мечтой было родить двадцать. Всё это время мы жили с мыслью о том, что мужчины столь же прилежны, а их труды столь же значимы. Пока мы рожали детей, они, как мы полагали, создавали книги и картины. Мы заселяли этот мир. Они приобщали его к цивилизации. Но теперь, когда мы умеем читать, что мешает нам судить о результатах? Прежде чем привести в мир ещё одного ребёнка, мы должны поклясться, что выясним, какова эта реальность на самом деле.

И вот мы превратились в общество, задающее вопросы. Одной из нас надлежало посетить военный корабль; другой — спрятаться в кабинете ученого; третьей — побывать на деловой встрече; при этом всем нам следовало читать книги, рассматривать картины, ходить на концерты, смотреть в оба на улице и неустанно задавать вопросы. Мы были слишком молоды. Вы можете судить о нашей наивности, если я скажу, что перед тем, как расстаться в ту ночь, мы пришли к выводу, что целью жизни является создание хороших людей и хороших книг. Наши вопросы должны были помочь установить, насколько мужчины преуспели в достижении этих целей к настоящему времени. Мы всерьёз поклялись, что не родим ни одного ребенка, пока не получим удовлетворительного ответа.

Вот мы и отправились в путь: кто — в Британский музей, кто — на королевский военно-морской флот; одни отправились в Оксфорд, другие — в Кембридж; мы посетили Королевскую академию художеств и галерею Тейт, слушали современную музыку в концертных залах, заглядывали в суды и

смотрели новые пьесы. Ни одна из нас не отправлялась на обед, не задав своему спутнику определённых вопросов и не записав тщательно его ответов. Время от времени мы встречались и сопоставляли наши наблюдения. О, что это были за весёлые встречи! Я никогда так не смеялась, как в тот день, когда Роуз зачитывала свои заметки о «Чести» и описывала, как она, переодевшись в эфиопского принца, поднялась на борт одного из кораблей Его Величества. Разоблачив обман, капитан нанёс ей визит (к тому времени она уже замаскировалась под частного джентльмена) и потребовал восстановить поруганную честь.

— Но как? — спросила она.

— Как? — вопил он. — Конечно, тростью!

Видя, что капитан вне себя от ярости, и ожидая, что настал её последний час, она склонилась и, к своему изумлению, получила шесть лёгких шлепков пониже спины.

— Честь Британского флота отомщена! — воскликнул он.

Выпрямившись, она увидела, что по его лицу струится пот, а дрожащая правая рука протянута для рукопожатия.

— Прочь! — вскрикнула Роуз, приняв позу и скопировав свирепое выражение его лица. — Моя честь всё еще не удовлетворена!

— Это было сказано по-джентльменски! — ответил капитан и погрузился в глубокое раздумье. — Если шесть ударов мстят за честь королевского флота, — размышлял он вслух, — то сколько же ударов искупят честь частного джентльмена?

Он сказал, что предпочёл бы передать это дело на рассмотрение братству морских офицеров. Роуз высокомерно ответила, что не может ждать. Он похвалил её чувствительность.

— Постойте-ка, — внезапно воскликнул он. — Ваш отец держал карету?

— Нет, — ответила она.

— Или верховую лошадь?

— У нас был осёл, — припомнила Роуз, — который таскал за собой сенокосилку.

При этих словах лицо его просветлело.

— А имя моей матушки... — начала было она.

— Ради Бога, сударь, не упоминайте имени вашей матушки! — завопил капитан, содрогаясь как осиновый лист и покраснев до самых корней волос.

Прошло десять минут, прежде чем ей удалось заставить его продолжить. В конце концов он постановил: если она отвесит ему четыре с половиной удара по пояснице, точно в указанное им самим место (половину удара капитан, по его словам, уступил в знак уважения к тому факту, что дядя её прабабушки был убит при Трафальгаре), то, по его мнению, её честь будет как новенькая. Так они и поступили: отправились в ресторан, осушили две бутылки вина, за которые капитан решительно заплатил, и расстались, уверяя друг друга в вечной дружбе.

Рецензия «Рождать детей или произведения искусства?»

Светлана Черченко

В сатирическом рассказе Вирджинии Вулф «Общество» раскрываются общественные представления о культуре, образовании и положении женщин. Через историю Полл и её подруг писательница ставит под сомнение привычные представления об интеллектуальных способностях мужчин и их вкладе в развитие общества. Сатирическую направленность задают языковые особенности: параллельные конструкции, многозначность слов и контраст между серьезностью описываемых событий абсурдным тоном. Эту стилистику и главную мысль произведения постаралась передать Головачёва Мария в переводе, выполненном в рамках программы «Литературная критика — 2026».

Вирджиния Вулф использует неоднозначные слова и выражения для описания чувств героев. Например, их отношение к поэзии одного из самых известных авторов того времени выражается сочетанием «the verbose, sentimental foolery». В переводе «многословная, сентиментальная чушь» сохраняется исходный смысл: английское слово foolery обладает пренебрежительной окраской и обозначает что-то нелепое, вызывающее смех. В русском языке слово «чушь» имеет схожее значение. Иногда Головачёва меняет оригинальные грамматические конструкции, благодаря чему усиливается экспрессивность и компенсируются другие неточности. Так, в переводе фразы «Though we all cried and begged her to read no more» она привносит новое, более трагикомичное значение: «Невзирая на наши слезы и мольбы больше не читать это». Так речь героинь становится более выразительной и подчеркивается контраст между их отчаянием и абсурдностью ситуации.

Однако большое количество ярких выражений переведено дословно, из-за чего некоторые фразы могут звучать странно и неестественно: «I can't describe the desolation which fell upon us» — «я не смогу объяснить ту пустоту, которая напала на нас». Русская фраза звучит криво, а значение слова desolation передано неточно: оно обозначает состояние глубокого опустошения, поэтому вариант «я не нахожу слов, чтобы описать охватившее нас отчаяние» звучал бы более приятно.

Существенной трудностью является передача игры слов и идиом. Особенно ярко это можно заметить на примере фразы при обсуждении героями смысла существования женщин: «While we have borne the children,

they, we supposed, have borne the books and the pictures». В оригинале повтор глагола to bear связывает два разных значения: рожать и создавать. Благодаря этому автор иронически сопоставляет традиционную роль женщины и приписываемую мужчинам роль создателей культуры. В переводе повтор пропадает, из-за чего ослабевает абсурд: «Пока мы рожали детей, они, как мы полагали, создавали книги и картины». В русском варианте два действия воспринимаются самостоятельными, а не как намеренно сближенные автором.

Для сохранения этого принципа можно было бы построить фразу вокруг значения глагола «рождать»: «Мы, как считали, рождали детей, а они — книги и картины». Этот вариант позволяет сохранить смысловое сближение и подчеркнуть сатирическое сопоставление. Однако в переводе есть достаточное количество примеров, когда Головачёва находит подходящий русский эквивалент английским идиомам. Например, описывая поведение и состояние мужчины, Вирджиния Вулф пишет: «trembling like an aspen and flushing to the roots of his hair». Переводчик умело сохраняет главную мысль фразы «содрогаясь, как осиновый лист, и покраснев до самых корней волос». В ряду удачных интерпретаций следует отметить идиому «keep our eyes open» — «смотреть в оба». Преимуществом работы можно считать то, что из всех возможных значений Головачёва выбирает наиболее подходящее для повторения стиля автора. Например, идиома «by hook or by crook» можно перевести следующими выражениями: любыми средствами, не мытьем, а катаньем, правдами и неправдами. Переводчик выбирает среднюю между ними фразу: «тем или иным способом», сохраняя оригинальную легкую структуру предложения. Таким образом, передача сложной авторской игры слов часто оборачивается для переводчика смысловыми потерями. Однако работа с устойчивыми выражениями, напротив, демонстрирует умение

Головачёвой находить точные и стилистически взвешенные русские эквиваленты.

Перевод Головачёвой можно назвать удачной попыткой передать содержание рассказа и сохранить уникальную стилистику Вирджинии Вулф. Благодаря точному подбору эмоциональной лексики и удачным русским аналогам английских идиом, переводчица смогла передать выразительность и тонкую иронию оригинала. Тем не менее, в отдельных фрагментах излишняя буквальность делает фразы неестественными, а утрата языковой игры лишает текст прежней авторской остроты. Главная трудность этой работы как раз и заключалась в том, чтобы удержать баланс между точностью смысла и художественной формой. Несмотря на эти недочеты, перевод Головачёвой в полной мере передает ключевые идеи произведения, открывая русскоязычному читателю характерное для Вулф сочетание иронии, абсурда и социальной критики.

Рецензия «Сердце-обличитель» и «Сердце-изобличитель»: как по-разному бьется сердце одного рассказа в разных переводах

«Сердце-обличитель», пер. В. Хинкиса; «Сердце-изобличитель», пер. К. Бальмонта».

Мария Жолобова

Известно множество переводов рассказа Эдгара Аллана По «The Tell-Tale Heart». Для рецензии неспроста выбраны работы, выполненные в разные исторические периоды. Перевод Хинкиса тяготеет к советской школе, другой, сделанный Бальмонтом, публиковался еще в Российской Империи. При оценке перевода культурный контекст, которым владеют (или не владеют) переводчики, сыграет большую роль.

Этот рассказ — пример саспенса, т.е. ужаса, который незримо присутствует в тексте еще до появления страшных сцен. Достигается это с помощью психологизма: происходящее читатель воспринимает взглядом сумасшедшего. Повествование приобретает сбивчивый характер. Основной задачей переводчика станет воспроизведение ритмичности, к которой часто прибегает Эдгар По. Ритмичность тексту придают повторы, имитирующие речь безумца. Герой пытается убеждать читателя в своей адекватности. Однако же с первых строк доверие к нему теряется: в повторяющихся словах и синтаксических конструкциях ощущается шаткость его психики, непредсказуемость поведения. Такого рассказчика в литературоведении называют ненадёжным. Рефрены также призваны имитировать ритм биения сердца. Герой совершает убийство и испытывает паранойю: ему кажется, что сердце его жертвы продолжает биться. Эта галлюцинация может быть вызвана тем, что он слышит своё сердце.

Повторы сохраняются в обоих переводах, однако у Хинкиса они часто благозвучнее. Иногда Хинкис не просто соблюдает рефрен, а создает напевность с помощью русского эквивалента с приставкой «пре»: «тонкая-претонкая», «спокойно-преспокойно» и т.д. Более того, Хинкис добавляет от себя звукопись, которой нет в оригинале. Биение сердца у По сравнивается с барабанным боем. В переводе Хинкиса появляется аллитерация: «барабанный бой будит отвагу», что компенсирует неточности в ритмическом соответствии оригиналу, если таковые были. В переводе Бальмонта с точки зрения ритма подобных особенностей нет.

Однако есть недостатки, которые можно сравнивать с решениями Хинкиса. В первую очередь это касается того, как переводчики справляются с переложением английских конструкций на русский манер. В тексте Бальмонта много кальки. Можно привести в пример непонятую идиому: «*every morning, when the day broke*» Бальмонт переводит как «*каждое утро, когда наступал день*» — предложение неверно с логической точки зрения. Пример исправления можно найти у Хинкиса: «*всякое утро, когда светало*». Или: фраза «*do you mark me well?*», которую Бальмонт переводит как: «*Вы хорошо следите за мной?*», тогда как правильная трактовка могла быть выражена лаконичным «*понимаете?*». Таких ошибочно переведённых устойчивых выражений у Бальмонта много, это может быть обусловлено отсутствием в 1910-х словарей идиом. Переводчик оказался ограничен территориально.

Зато эпоха Бальмонта хронологически оказывается ближе к эпохе Эдгара По. Некоторые детали, связанные с общекультурным контекстом, он переводит лучше Хинкиса. Например, в рассказе у героя есть фонарь особого типа — со створками (a dark lantern). Такие *«потайные фонари»*, как перевел Бальмонт, существовали раньше. Советский переводчик, вероятно, не знаком с этим предметом, потому переводит его как *«затемненный фонарь»*, что звучит противоречиво. Другое достоинство Бальмонта — верное понимание словосочетания *«death watches»*. Так называют жучков, живущих в стенах старых зданий. Они издают звуки, похожие на тиканье часов (поэтому watches). Эти насекомые трактовались в народе как дурное предзнаменование. В рассказе Эдгара По тиканье — очередная ассоциация с биением сердца, и Бальмонт в своём переводе сохраняет оригинальный образ: *«ночь за ночью я слушал здесь тиканье стенного жучка-точильщика»*. Хинкис эту деталь упускает, вместо навязчивых жучков у него появляется *«бессонная гробовая тишина»*. Это противоречит изначально заложенному смыслу, атмосфере нарастающей тревоги рассказчика.

Подытожить стоит названием, которое переводчики поняли по-разному. Приставка становится причиной разной трактовки похожих названий. *«Обличать»* — это выдавать не только поступок, но и эмоцию, внутренний порок. *«Изобличают»* обычно преступника, т.е. человека, совершившего конкретное противозаконное действие. Таким образом, Хинкис акцентирует внимание на том, что сердце выдаёт безумие рассказчика. Бальмонт понимает название более прозаично: у него сердце выдаёт героя перед полицией, стук утрачивает изначально заложенную символичность.

Современному читателю, на мой взгляд, стоит знакомиться с рассказом по переводу Хинкиса — его конструкции менее тяжеловесны. Упущение им некоторых деталей в силу незнания почти не мешает восприятию, в то время как дословный перевод Бальмонтом устойчивых выражений меняет впечатление от текста. Если же читатель хочет лучше понять реалии эпохи, в которую писал Эдгар По, уловить авторские символы — ему стоит обратиться и к работе Бальмонта.

Рецензия «Вересковый мёд» Глазьями Современного Читателя

Максим Вотинцев

«Heather Ale» — баллада Роберта Льюиса Стивенсона, стилизованная под шотландскую легенду. В основе сюжета лежит рассказ о завоевании древнего народа пиктов королём Шотландии и героическом подвиге последнего из них, который ценой собственной жизни и жизни своего сына сохраняет народный секрет приготовления верескового эля.

Русскоязычным читателям наиболее известен перевод С. Я. Маршака под названием «Вересковый мёд». Из-за известной фигуры переводчика и времени создания (1942 год) существует мало беспристрастных оценок перевода. Работе Маршака в советское время досталась народная любовь, и именно его текст внесли в учебники по литературе. Я же попытаюсь рассмотреть качество перевода с позиции современного читателя, обратив внимание на существенные недостатки.

Начнём с того, что у Маршака получилось действительно хорошо: ритм и рифма. В переводе полностью сохранён ритмический рисунок, текст легко читается и даже

поётся. В то же время передана и особая рифмовка в духе старинной английской баллады: рифмуются только чётные строки. Стихотворный размер в переводе унифицирован под ямб. В оригинале потеря строгого размера играет на эффект нагнетания в кульминации. Ямбический метр в финале уступает место вариативному ритму. Местами он тяготеет к трёхсложным размерам с элементами дольника: «And the sea swallowed his body, / Like that

of a child of ten...». Маршак компенсирует это за счёт усечения строк. Например: «Волны над ним сомкнулись / Замер последний крик...» — во второй строке на одну гласную меньше, чем в остальных строках. В целом выдержан хороший баланс между соответствием оригиналу и приятным звучанием для русскоязычных читателей.

По объективным причинам в переводе потеряны шотландские диалектизмы и культурные ассоциации. Например, слово «Moorland» хорошо знакомо английскому читателю как обозначение особого ландшафта, верескового поля. Передать подобные элементы текста было ещё сложнее в советское время. Маршак попросту мог не знать о принадлежности некоторых слов тому или иному диалекту. Единственной удачной заменой мне показалось «давным-давно» вместо «long-syne». Слово хорошо передаёт ощущение старинной легенды и заменяет шотландский колорит на более знакомый славянский.

В переводе упущен непонятный для советских читателей подзаголовок баллады «A Galloway legend» («Легенда Галлоуэя» — региона Шотландии) и некоторые элементы природы и быта пиктов. Эль заменён на мёд, кроншнепы — на чаек, красная гора — на скалистые берега. Текст становится понятнее, по форме и лексике даже напоминает былинку: «Лежал живой на мёртвом, / И мёртвый — на живом.» Но вместе с тем он теряет общее впечатление чужой и необычной географии и культуры. Причину замен я вижу в том, что текст ориентирован на массового читателя, если конкретнее — на солдата. Перевод нёс функцию побуждения участников Великой Отечественной войны к подвигам. Таким образом, Маршак значительно упрощает и русифицирует лексику в соответствии с целями перевода.

А теперь к главным недостаткам работы переводчика, которые, по моему мнению, сильно искажают задумку баллады. Маршак практически теряет элементы, придающие сюжету роковую трагичность. В первую очередь — параллелизмы: отец и сын стоят перед королём, затем стоят у края скалы, потом стоит уже один отец. Повторение «the last» придаёт этому особый героизм и показывает одиночество героев. Маршак же потерял этот ключевой параллелизм, играющий важную роль в сюжете. Интонации героев также сильно искажены. В оригинале король обращается к пиктам «ye vermin» (гады, паразиты), что показывает его пренебрежение и гордыню. Маршак заменил реплику на «черти», которая передаёт лишь раздражение короля. Совсем неуместным мне кажется ответ отца: «Слушай, король шотландский...» Выглядит так, будто они давно знакомы и дружат. У Стивенсона отец произносит фразу с хитрой и немного лестной интонацией: «I have a word in private, / A word for the royal ear». Реплика создаёт эффект загадки: читателю становится интересно, о чём же поведает старик. Как видно, перевод Маршака неуместно искажает ключевые интонации оригинала, а общее настроение перевода смещено в сторону менее загадочного и менее трагического. Но на этом не всё: грубой ошибкой перевода я считаю финальные строки: «Моя

святая тайна, / Мой
вересковый мёд». Звучат они с некоторой жадностью и торжеством. Отец, безусловно, остался последним из рода пиктов. Но то, что переводчик присваивает секрет напитка герою, отчасти обесценивает события баллады. Дело в том, что тайна была народная, общая, передававшаяся из поколения в поколение. Лучшим решением, на мой взгляд, было оставить более нейтральную фразу. Например: «Тайна, как готовить / Вересковый мёд».

Итак, я могу положительно оценить перевод Маршака лишь в рамках времени его создания и нацеленности на советского читателя. Могу похвалить за передачу рифмы и ритма, а также общего смысла. Но перевод плохо работает с архаичной лексикой, ключевыми параллелизмами, интонациями и образами. А главная потеря — сам дух баллады, её загадочность и трагичность. Вся красота лексики и языка Стивенсона, хорошо знавшего реалии и культуру Шотландии, передана слабо и заменена ярко выраженным языком переводчика. Работа Маршака — это художественная переработка баллады Стивенсона под задачи своего времени. Поэтому читать его стоит как самостоятельный памятник советской переводческой культуры — яркий, но неизбежно искажающий первоисточник.

«Не хитреюа однина будет
житъ челоуек, но всякниа
словеса, исходящии изъ устъ
Божьихъ» (Мф, 4, 4)

Джейн Хиршфилд «Обещание»

Перевела Алиса Подоляк

«Постойте», — шептала я
срезанным цветам.
Головы их клонились
всё ниже.
«Постой», — вслед пауку,
бежавшему прочь.
«Постой, лист».
Он покраснел,
сгорая от стыда за меня и за себя.
«Постой», — молила своё тело.
Оно сидело, как собака,
послушное на мгновение,
и тут же задрожало

«Постой», — взывала я к земле:
к речным долинам и лугам,
известняку, песчанику и древним склонам.
И земля взглянула на меня в ответ,
молчаливо меняясь в лице.
«Постойте», — шептала любимым.
И каждый ответил мне:
«Всегда».

Николай Полев «Переписка с Богомольцем»

По мотивам «Разговора с богомольцем» Франца Кафки

Перевела Мария Попова

Церковная служба транслировалось в прямом эфире, и, ожидая начала, я глядел на свое отражение в черном экране. Оно с трудом проступало на поверхности, покрытой следами пальцев. Поморщившись, я отвел взгляд, но понял, что только ближе пододвинулся к стеклу.

По воскресеньям мне нравится подключаться и искать его имя в чате. Трансляция показывает количество зрителей — всегда двузначное число, — но не показывает список имен. Однако сбоку есть чат, где люди приветствуют друг друга во время преподания мира.

«Мир вам!»

«Мир Господень!»

«Христос с нами!»

«Мир с вами!»

Я искал бывшего друга, недавно обратившегося в христианство. Подозревал, что его «обращение» фальшиво. Мне казалось, это сделано для красоты, как и вообще все в интернете: привлекательная картинка, оторванная от реальности. Он постил на эту тему регулярно, с громкими фразами из разряда «На все воля Божья» или «Вкусите и увидите». Он просто хочет, чтобы его заметили, однако вместо его лица всегда высвечивается аватарка с закатом и ссылка на 91 псалом. Я едва мог припомнить, как он выглядит... В памяти всплывали лишь размытые образы. Давным-давно, во время похода, он спас маленького мальчика от падения в овраг ночью. Я сидел рядом с деревом в плавках, дрожал, не в силах пошевелиться. Сам я не смог помочь мальчику, пока тот пытался не соскользнуть в темноту.

Я переключал между вкладкой с трансляцией богослужения и почтовым ящиком. Мне хотелось быть продуктивным в течение службы и успевать прибрать книги в кабинете или переложить кучи белья из одной комнаты в другую. Люди в чате казались мне роботами, хотя я тоже был как робот со скованными движениями: двигались только пальцы и глаза, пока остальное

тело расслабленно покоилось на кровати. Как-то раз я присоединился к переписке в чате, просто чтобы попробовать.

«Здесь ли Феликс?» — напечатал я. Ответа не последовало.

В Страстную пятницу священник стоял во время трансляции внутри погруженного во мрак алтаря. Я вытащил свой ноутбук на балкон — было тепло — хотя интернет-соединение было слабым, и запись проповеди, посвященной смерти Христа, притормаживала. Я прикрывался рукой от солнца, пока ветер шевелил листву, а одинокий прохожий собирал пластиковый мусор. Я и не заметил, как трансляция службы закончилась. Мне пришло уведомление, что Феликс опубликовал пост. Я перешел на его

страничку: на этой неделе там были размышления о начальных стихах Евангелия от Иоанна. Мне стало плохо, но, может быть, из-за того, что я почти ничего не ел.

Однажды вечером я решил покататься на машине. Миновал маленькую белую часовню, потом другую, с большой коричневой церковью, затем ещё один серый высокий храм. Они походили на грибы: стоило мне однажды обратить на них внимание, как они постепенно стали обнаруживаться повсюду и рябить между деревьев, у почтовых ящиков и в конце каждого квартала. У одной церкви на газоне стояла легко читаемая табличка «Следуй за своими желаниями», а у другой — реклама сбора одежды и ужина со спагетти. Столько различных вариантов, что было сложно поверить, будто они говорят об одном и том же, — словно наклейки на автомобилях. Возвращаясь домой, я припарковался под деревом и остался в машине, зависнув в телефоне.

Пролетел целый час. Я наткнулся на два новых поста о вере от моего бывшего друга Феликса. До этого мне казалось, что я теперь выше их, но в этот раз что-то — возможно, дело было в том, что машина стояла неподвижно — заставило меня оставить комментарий.

«Ты», — написал я, потом удалил. «Ты», — напечатал я. Заметив на экране расплывчатый серый силуэт своего отражения, я решил написать ему в личку.

«Привет», — напечатал я. «Ты тут?» — ответа не последовало.

Я повторял так время от времени несколько дней подряд, пробуя разные подходы:

«Ответь мне, пожалуйста, если ты тут».

«Что с тобой стряслось?»

«Помнишь вечера четверга после тренировок по футболу?»

В какой-то момент мне стало страшно — я не мог припомнить его лица. В голове вырисовывался лишь размытый силуэт, мокрый после спасения мальчика.

«Привет, — ответил он наконец, когда я выходил из душа. — Что случилось?» Я прошел в комнату и присел на край стула. Всюду были хаотично разбросаны полотенца и одеяла.

«Почему ты постишь так много? — напечатал я окостеневшими пальцами. — Ты как будто выпрашиваешь внимание.»

«Я не выпрашиваю внимание», — написал он.

Я сморщился и ближе пододвинулся к экрану. Теперь это очевидно было ложью. «Ты не считаешь «лайки»?»

«Нет, конечно. Я просто пишу, о чем мне интересно, и хочу этим поделиться.»

«Но разве Бог не должен быть святым и сокровенным? — спросил я, хотя сам не понимал, откуда у меня родился этот вопрос. — Это выглядит пошло.»

Феликс ничего не ответил.

В следующее воскресенье я подключился к трансляции службы и увидел его имя в чате. Разговаривать с ним на глазах у всех было не лучшей идеей, но что-то нужно было сделать.

«Мир с вами!» и многие вариации этой фразы начали заполнять чат, пока я писал свой комментарий.

«Мир вам!»

«Мир всем!»

«Смотри», — написал я и удалил. Пожалуй, говорить мне больше не хотелось.

«Мир с вами!»

«Хорошо, Феликс», — напечатал я. Нет. Попробовал удалить, но случайно нажал «ввод», и, окруженный безликими профилями — даже не зная их и не зная, существуют ли они на самом деле, — продолжил писать.

«Мир Господень!»

Я прищурился, глядя на свое отражение и пытаюсь разглядеть, как двигаются мои губы.

Я резко вспомнил историю, которую слышал от мамы в детстве, о горе или каких-то камнях. Я слышал, как она по телефону рассказывала кому-то, каково было подниматься, как из чувства непостижимости бескрайнего

пейзажа возникло некое ощущение присутствия и как она впервые ощутила себя цельной. С чем она столкнулась? Мое сознание было немного затуманено: я будто играл в видеоигру и все вокруг меня было её частью. Я поискал в интернете картинки гор и начал быстро просматривать их перед возвращением в мою «игру». Я охотно продолжил бы вспоминать о матери и о горе, перебирая изображения далёких лугов и вершин. Некоторые были в плохом качестве, а некоторые выглядели правдоподобней, чем в реальности. Иногда я заставлял маму за нарезкой редиса на кухне или за сидением без дела в машине. Я гадал, не о той ли горе она думает, и жалел, что не знаю даже её названия, но не находил слов, чтобы спросить, и почти тут же забывал об этом желании. Оно просыпалось и сразу же уступало моему взгляду в отражении на экране.

«Мира», — начал я печатать без чувства злости или стыда.

Я удалил написанное и уставился в пустоту. Вдруг я резко почувствовал прилив свободы и начал быстро печатать, хотя сам до конца не знал, что хочу сказать.

«Феликс, я искал тебя. В тот день я проехал очень много храмов и думал о тебе каждый раз, когда видел какой-либо из них. Ты вообще заходил туда хоть раз? Ты вообще знаешь, что такое церковь? Тебе кажется, что недоступность делает тебя более святым?»

Я приостановился. Ответа не было.

«Мне хочется исчезнуть, когда вижу эти церкви, но я все равно продолжаю ехать. Мне хочется войти через двери, закрыть их изнутри и предаться глубокому покою среди церковных скамей. Но никто больше не может исчезнуть. Ты пробовал? Они разрушались, хоть и продолжали стоять, и всё, что осталось, — одна большая люминесцентная лампа, без конца выставяющая все напоказ. Это тяжело. Думаю, я даже хотел спрятаться в тебе, Феликс — в моей попытке тебя отыскать. Знаю, звучит дико. Да, да, «мир, мир» — знаю, что все это звучит как бессмыслица. Может, так и есть. Но я вижу всех вас здесь — и Феликса тоже вижу — и понятия не имею, как вы выглядите. И это невыносимо. Разве вам не хочется просто спрятаться?»

Я сам не знал, что сказал. Я уже навел курсор на «Покинуть страницу», чтобы забыть обо всем, как в углу экрана появились три точки. Кто-то начал печатать.

«Привет», — написал Феликс. И все. Мне стало дурно. Напишет ли он что-нибудь еще? Спустя время три точки появились и пропали. Затем снова появились.

«Я не был ни в одной из церквей, которые ты проезжал. Я прихожу в церковь только сейчас и публикую посты об этом отчасти потому, что у меня мало друзей», — ответил он.

«Да, я хочу спрятаться. Ты обвиняешь меня в публикации постов, чтобы быть замеченным, но все наоборот: я публикую, чтобы исчезать. Я пытаюсь найти, за что ухватиться, — это правда. Но когда все на виду, все одинаково подсвечены, временами сложно за что-то ухватиться. Там, где нет теней, времени тоже нет — есть лишь вечность. И это даже не похоже на свет — просто холодная синева, я не вижу очертания реального объекта или какие-либо его фрагменты. Просто вгрызающаяся яркость, смутное ощущение присутствия и экран, который не дает мне встать. Мне хочется, ради всего святого, убежать от этого.»

Он будто перестал печатать. Может, мы оба сошли с ума? Мне было страшно, что мы вложили в слова больше смысла, чем я хотел понять. Захотелось плакать.

«Я не знаю, что сказать, — напечатал я. — Или...» Я моргнул. У меня не было слов.

Вдруг я вообще перестал понимать, что делаю, пялясь на священника на экране, который вдруг произнес что-то из разряда: «плод Духа», «принесите свои страдания к кресту», «возлюби ближнего твоего, как самого себя» и «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим». Священника сопровождал хор, которому я никогда не подпевал. На самом деле, я часто выключал пение хора и продолжал сидеть на диване или балконе... Я чувствовал, как моя глупая затея давит на меня тяжелым грузом. Это было первое по-настоящему сильное чувство за последнее время. Палец на минуту завис над клавиатурой, отчего экран погас, и я вновь увидел свое мрачное отражение. Я закрыл ноутбук и в оцепенении спустился в вестибюль. Открыл входную дверь и тут же врезался в женщину, несущую продукты. Помог ей поднять батон хлеба и рулон туалетной бумаги.

«Мир с Вами», — проронил я, инстинктивно протягивая руку женщине, прежде чем поспешно зашагать по улице.

О. Генри «Жизнь без Кэти»

Перевела Злата Шипунова

Жизнь без неожиданностей

— Восемьдесят первая улица! — прокричал водитель. Из автобуса вышла толпа людей, а другая сразу же зашла. Звонок автобуса звякнул — «Динь-динь!» и набитый транспорт уехал.

Джон Перкинс отошел от автобусной остановки. Он направлялся домой с работы, неспешно проходя мимо многоквартирного дома «Фрогмор».

Джон шел мимо «Фрогмора», потому что жил здесь. А медленно шел, потому, что в его жизни не было неожиданностей. Не было того, ради чего можно было бы спешить. Джон Перкинс был женатым мужчиной, жившим в маленькой квартире в Нью-Йорке. Для людей вроде него жизнь не готовит сюрпризов.

«Я знаю, что будет дальше, — думал Джон. — Кэти встретит меня у двери, поцелует. её поцелуй будет со вкусом пудры и конфет. Они у Кэти всегда такие. Потом я сниму пальто, сяду за стол. На ужин будет горячее мясо, картофель и фрукты из консервной банки. После ужина Кэти заговорит о ценах на мыло, о старой миссис Грей, расскажет, как прошел её день».

Джон думал о предстоящем вечере. В половине восьмого они с Кэти, как всегда, накроют мебель старыми газетами. Всему виной будет, как обычно, толстый сосед сверху: он начнет свои упражнения в половине восьмого. Из-за них потолок будет трястись, а пыль оседать на мебель.

Ровно в восемь пара из квартиры напротив начнет ссориться. Они будут кричать, драться и разбрасывать мебель. Сразу после этого спустится леди с розовыми волосами и яркими украшениями. Она сменит бумажку с именем над дверным звонком, показывая этим, что вновь готова к сдаче квартиры. В восемь пятнадцать дети миссис Зановицкой заплачут. (Зановицкие не били своих детей, те просто не хотели ложиться спать). Ровно в восемь пятнадцать вечера он, Джон Перкинс, наденет шляпу. Кэти тут же спросит: «Куда же ты идешь, Джон Перкинс?».

Ответ будет таким же, как и всегда: «В клуб, играть в карты».

Джон каждый вечер бывал в клубе. Его товарищи по картам никогда не изменялись. Дома он оказывался также неизменно: в одиннадцать вечера. Обычно Кэти к этому времени уже спала, но так бывало не всегда. Иногда ей не спалось, и к приходу Джона она была готова к небольшой ссоре. Они ругались по поводу поздних возвращений Джона. Да уж, жизнь в многоквартирном доме «Фрогмор» не подкидывает неожиданностей.

Записка на столе

Но сегодня что-то изменилось. Джон оказался у двери, но за нею не оказалось Кэти. Не оказалось нежного сладкого поцелуя, встречающего его. Квартира была в совершенном беспорядке. Посреди комнаты валялись одежда, обувь. Ящики были выдвинуты. Это казалось странным. Кэти никогда не оставляла вещи вот так. Тут Джон увидел на полу её гребень. Между зубчиками виднелось несколько мягких коричневых волос. Джон заволновался. Кэти всегда убирала с гребешка каждый волосок. Она хранила

их в голубом тканевом мешочке. «Когда волос будет достаточно, сделаю из них парик», — объяснила она однажды Джону.

Затем на глаза ему попала записка, лежавшая на столе.

«Дорогой Джон!

Я только что получила телеграмму от моего брата Сэма. Мать очень больна. Я возьму билеты на четыре тридцать, поеду поездом. Сэм встретит меня на станции. На кухне холодная курица. Надеюсь, это не снова нога её

беспокоит. Прошу, заплати за молоко шестьдесят центов. Прошлой весной она так мучилась с ногой. Не забудь записать показания по электричеству. Твои чистые носки в верхнем ящике. Я напишу завтра.

С любовью, Кэти».

«Это ужасно, — подумал Джон. — Мы женаты уже два года. Мы проводили каждую ночь из этих двух лет вместе. Не могу поверить, что это происходит».

Он прочел записку несколько раз. Его жизнь круто изменилась. Это ощущалось странно, будто его что-то стесняло.

На спинке стула висел фартук Кэти. Она надевала его, когда готовила ужин. Фартук выглядел пустым: в нем не было Кэти. На столе лежал небольшой бумажный кулек с её конфетами. Газета, открытая на расписании поездов, валялась на полу. Поезд из Нью-Йорка, отправляющийся в полпятого, был обведен красным.

Квартира выглядела такой пустой и печальной. В ней не было Кэти. Джон стоял посреди всех этих вещей. В его сердце было странное, грустное чувство.

Джон просит прощения

Джон начал с уборки квартиры. Он убирался плохо: обычно это делала Кэти. Когда Джон дотронулся до её одежды, его охватило странное чувство. Жизнь без Кэти! Он не хотел даже думать об этом. Кэти была такой же частью его жизни, как воздух вокруг. Теперь же, к удивлению Джона, её здесь не было. «Конечно, она вернется через пару дней», — сказал он сам себе. Но это не сделало его ни на грамм счастливее. Кэти ушла, и теперь он совсем один.

Джон достал холодную курицу, сделал себе кофе. Потом сел за стол и принялся есть. Не было никого, с кем можно было бы разделить радость от еды. Никого, кто мог бы поговорить с ним. Еда была не настолько вкусной, как когда её готовила Кэти. Он вспомнил горячее мясо и картофель. Вспомнил фрукты из консервной банки. Теперь он ужасно скучал по ним.

Итак, мать Кэти заболела, и одно только это обстоятельство смогло изменить всю жизнь Джона Перкинса. Он поужинал. Посмотрел в окно. Там, снаружи, город оживал. Люди веселились. И Джон был абсолютно свободен! Он мог бы не приходить домой до утра. Никаких упреков, если он придет поздно; никаких вопросов, никаких ссор. Он был свободным мужчиной.

Все эти чувства были незнакомы Джону. Он долго раздумывал, начиная проникаться этими новыми, грустными эмоциями. Пока Кэти была здесь, он никогда не думал о ней. Разве человек замечает воздух вокруг него? Теперь, когда Кэти ушла, Джон кое-что понял. Он любил Кэти и ужасно по ней скучал.

«Я вел себя так дурно, — подумал Джон. — Я был слишком суров к Кэти. Ходил в клуб каждый вечер. Бедная! Я оставлял её совсем одну на целый вечер. Ни разу не задумался о её чувствах. Ну что ж, я понял свою ошибку. Когда Кэти придет, я докажу ей! Я отведу её в город, и мы вместе повеселимся! Буду добр и внимателен к ней. С этого вечера я больше не появлюсь в клубе!».

Город за окном звал Джона Перкинса. Друзья ждали его в клубе, но он и не думал о них. Его Кэти не было дома. Он не мог перестать думать о ней. Она ушла, и потому теперь он ждал её и хотел увидеть. У Джона не было желания выходить куда-то.

Неожиданность

Правая рука Джона коснулась стула. На спинке лежало голубое платье Кэти. Ткань до сих пор имела форму её тела. Платье пахло пудрой. Джон взял его в руки; посмотрел на него, пощупал, поднес к носу. Джон не мог противиться своим чувствам: из его глаз покатились слезы.

Тут дверь открылась, и на пороге появилась Кэти. Джон глупо посмотрел на нее.

— Я вернулась, — сказала Кэти. — Матушка не так уж больна. Сэм сильно волновался, поэтому отправил мне телеграмму. На станции Сэм сказал, что матери быстро стало лучше. Так что я уехала следующим же поездом. Ох, мне бы не помешала чашечка кофе!

Подобно огромной машине, многоквартирный дом «Фрогмор» был вновь запущен. Механизм снова заработал. Жизнь Джона Перкинса пошла своим чередом. Он слышал, как ссорится пара в квартире напротив. Как леди с розовыми волосами закрыла к себе дверь. Как дети миссис Зановицки заплакали. Джон глянул на часы. Ровно восемь пятнадцать. Он надел шляпу, прошел к двери.

— Куда же ты идешь, Джон Перкинс? — спросила Кэти.

— В клуб, играть в карты, — ответил Джон.

Рецензия «Трудности перевода: что осталось за кадром в русской версии» «Have you ever» Элизабет Уэсли (в переводе А.Н. Батаревой)

Алина Подоляк

Стихотворение Элизабет Уэсли «Have you ever» — это цепочка вопросов о том, случалось ли читателю чувствовать, терять, находить и просто жить. Каждая строфа — отдельный кадр, а вместе они складываются в размышление о ценности моментов. Перевод А. Н. Батаревой под названием «Тебе приходилось...» пытается передать эту интонацию на русском языке. Получилось ли это, разберёмся ниже.

Главную проблему перевода английской поэзии представляет именно форма. Английский текст «стоит» на повторах и очень плотном ритме. Каждая строфа — вопрос, который цепляется за предыдущий. В переводе чувствуется попытка сохранить эту структуру, но местами она теряет чёткость. Особенно это заметно там, где переводчик уходит от дословности в сторону более вольного пересказа.

Ярким примером выступает первый стих. В оригинале: «Stood in a field of ripened gold grain» (буквально «Стоял в поле созревшего золотого зерна»). У Анастасии Батаревой: «В спелой пшенице бесцельно бродя». Слово «бесцельно» здесь лишнее, оно меняет образ. Изначально герой стоит неподвижно и вслушивается в то, что происходит внутри. А в переводе он бродит — это уже другое действие и интонация. Переводчик жертвует точностью ради сохранения ритма, и такое встречается на протяжении всего текста.

Переводчице удалось сохранить общий эмоциональный фон. Там, где речь идет о боли, утрате, одиночестве, русский текст звучит искренне. Например, строка «Cried all alone with no one to care» (буквально «Плакал в полном одиночестве, и никому не было дела») превратилась в «Падать в слезах на пустую кровать». Это очень вольный перевод. В оригинале нет кровати,

есть просто плач в одиночестве. Но образ пустой кровати работает — он усиливает чувство тоски, делает его более ощутимым, почти физическим.

Однако есть места, где вольность переходит в потерю смысла. Строка «Descend in the depths and found yourself lost» (дословно «Спустись в глубины и окажись потерянным») переведена как «В недрах души вновь себя обрести». В оригинале герой опускается на дно и теряет себя, но в переводе — находит. Смысл меняется в противоположную сторону: вольность переходит в смысловую ошибку. Оригинал построен на честном признании: человек может заблудиться, не найти ответ, чувствовать себя потерянным. Это важная часть авторского замысла. Когда переводчик меняет потерянность на обретение, он лишает текст той самой глубины, о которой говорит автор. Читатель получает

красивую фразу, но теряет мысль. Утраты в основном касаются деталей. В оригинале есть образ «lost lonely stray» — потерявшегося, одинокого бездомного существа. В переводе он превратился в «одинокое сердце». Образ стал более абстрактным и менее конкретным. Исчезла телесность, жалость к живому существу.

Строка «Whispered a word in transcendent rhyme» превратилась в «Тайную рифму, шепча, уловить». Шепот в переводе сохраняет интимность момента, ощущение, что слово произносится тихо, почти на грани слышимости. Но вот «transcendent rhyme» (дословно «запредельная рифма») стала «тайной рифмой». Это упрощение. В оригинале рифма выходит за пределы обычного, она почти божественная. В переводе она просто секретная. В оригинале герой шепчет слово, произносит его. В переводе он его ловит, будто оно где-то летает и его нужно поймать. Смысл меняется: из творца герой превращается в ловца. Мы приобрели более привычную для русского уха мелодику. Строки стали более плавными, менее рваными. Но эта плавность иногда стоит слишком дорого: она достигается за счёт того, что переводчик жертвует смыслом ради ритма и рифмы. Там, где оригинал задает вопрос и оставляет читателя с этим вопросом наедине, перевод спешит дать готовый ответ.

Строка «Swallowed a slight despite the high cost» (дословно «Стерпел унижение, несмотря на тяжелые последствия») стала «Крест безразличия ближних нести». Здесь перевод ушел очень далеко от оригинала. В английском тексте герой проглатывает обиду: слово «slight» означает именно мелкое оскорбление, пренебрежение, укол в адрес кого-либо. Герой сдерживается, хотя это стоит ему дорого. В переводе появился крест, который нужно нести. Образ стал более религиозным, тяжёлым. Исчезает идея выбора: в оригинале человек сознательно решает не отвечать на укол, хотя это даётся ему с трудом. В переводе он просто несёт свой крест, то есть терпит то, что уже дано. Это совсем другая мысль.

Стиль перевода больше похож на личный дневник, чем на философское размышление оригинала: читается легко, но иногда проскальзывает «гладкость», которая убирает шероховатость оригинала. Оригинал более шероховат, более честен в своей простоте.

Перевод Анастасии Батаревой — это честная попытка передать настроение оригинала. Чувствуется, что переводчик вживался в текст, искал созвучие, а не подстрочник, но иногда это желание уводит слишком далеко. В погоне за нужной интонацией смысл некоторых строк меняется или теряется совсем. Особенно это касается тех мест, где перевод сильно расходится с оригиналом по смыслу.

Финальные строки перевода получились особенно удачными. «К счастью улыбкой открой себе дверь!» звучит ярко и запоминается. Этот образ не является точным переводом, но он передаёт главную мысль стихотворения:

жизнь состоит из моментов, и в наших силах встретить их с улыбкой. А вот в начале и в середине текста есть смысловые сдвиги. Они создают ощущение, что переводчик не всегда вслушивался в оригинал и шёл за собственной рифмой.

Я рекомендую этот перевод тем, кто любит поэзию о чувствах и внутренних переживаниях, тем, кто ценит в переводе настроение и музыкальность. Любителям классики этот текст может показаться слишком современным по интонации, но это скорее вопрос вкуса, а не качества. Этот перевод можно читать и получать удовольствие. Но если сравнивать с оригиналом, становится видно, сколько нюансов осталось «за кадром». Это неплохой перевод, который живет своей жизнью, иногда слишком далеко уходя от жизни исходного текста.

ФИНЛЯНДСКАГО

Блажен прочитавший и услышавший слова сей рукописи!

Я искренне таю надежду, что мною записанная и вдохновленная Божьим откровением рукопись соделала пользу для души твоей. Сии перипетии путей жизни тернисты, трудны и непразды, но я верю, что посетили тебя хоть на одной странице рукописи слезы умиления и узнавания. Аще нет, перечитай рукопись вдумчиво вновь.

Я свидетельствую всякому слышащему слова рукописи сей: и, аще кто отнимет от слов рукописи сей, останется же во тьме до конца дней своих.